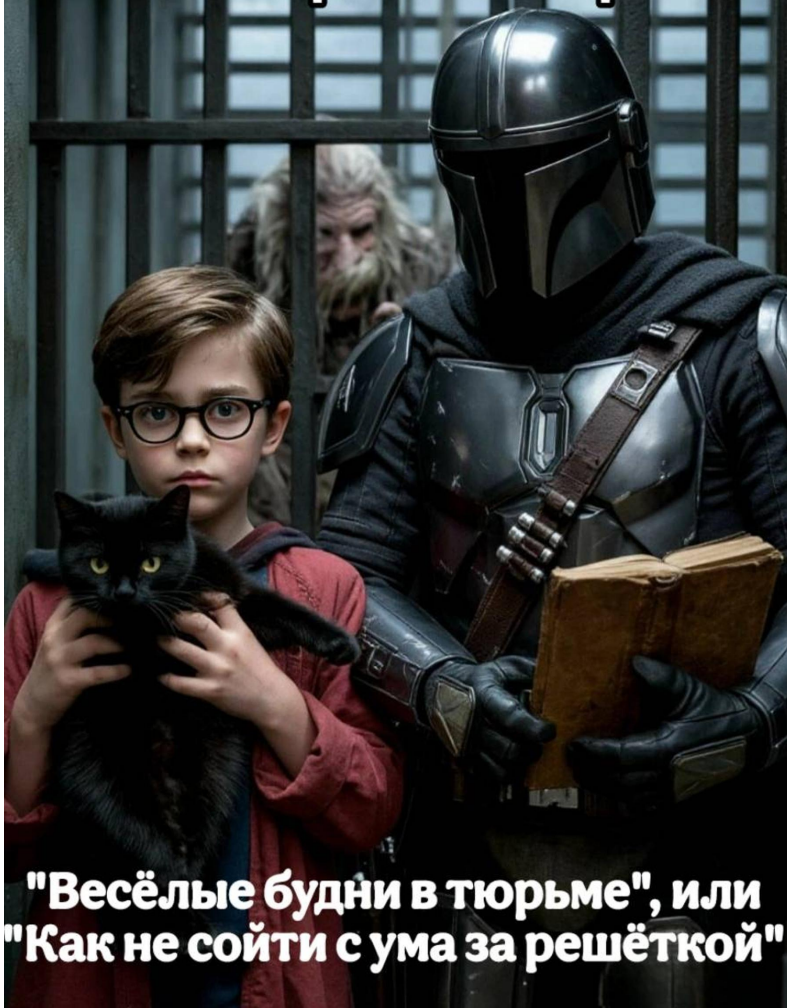

Мистер Завтрак

**"Весёлые будни в тюрьме", или
"Как не сойти с ума за решёткой"**

Мистер Завтрак

Весёлые будни в тюрьме, или

Как не сойти с ума за решёткой

<https://litres.ru/74107021>

SelfPub; 2026

Аннотация

Не известно, что здесь происходит. НО лучше — один раз это прочесть, чем сто раз не прочесть. Если запастись терпением — это обязательно окупится, поскольку сюжет будет развиваться, как бешеный — всё пуще и пуще, интереснее и насыщеннее, с каждой последующей главой.

Книга балансирует на грани эпического приключения и абсурдной комедии: здесь серьёзные философские размышления о власти, ответственности и природе страха соседствуют с уморительными бытовыми сценами, где даже спасение мира не обходится без споров о тунце и внезапных перекрашиваний техники в яркооранжевый цвет.

История о том, что героями не рождаются: ими становятся те, кто не побоялся сделать шаг вперёд, даже если споткнулся по дороге. Это — гимн командной работе, где у каждого — от грозного воина до кота — есть своё незаменимое место.

Если ты любишь приключения с характером, и юмор, который бьёт точно в цель, и сюжеты, где за весёлыми сценами скрываются глубокие идеи, — эта книга — именно для тебя.

Содержание

И поэтому всё так произошло.	5
Тюремный быт и его типичные будни.	92
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Мистер Завтрак Весёлые будни в тюрьме, или Как не сойти с ума за решёткой

И поэтому всё так произошло.

Федя считал себя человеком спокойным. Не из тех, кто устраивает революции, не из тех, кто спорит с банкоматами, и уж точно не из тех, кто по утрам кричит на кофемашину. Он просто хотел жить нормально: пить кофе, гладить кота, писать статьи про то, как голуби управляют городом, и не попадать в неприятности.

Но неприятности, видимо, считали Федю своим любимым клиентом.

Его утро всегда начиналось одинаково: будильник звонил ровно в 7:00, Федя нажимал «отложить» ровно три раза, а на четвёртый раз вставал, потому что понимал — если он не встанет сейчас, то вообще не встанет никогда, и весь день пойдёт наперекосяк.

В тот роковой день всё началось с кофе. Кофемашина, старая и вредная, как бывшая тёща, фыркнула, зашипела и выдала что-то коричневое, но не совсем похожее на кофе.

— Ты серьёзно? — спросил Федя, глядя на чашку, будто она могла ему ответить.

Кофемашина промолчала. Она вообще была из тех устройств, которые выражают эмоции исключительно через звуки: шипение означало «я недовольна», бульканье — «сейчас будет плохо», а тишина — «я сломалась, и это навсегда».

Федя вздохнул, добавил в чашку три ложки сахара и немного надежды, сел за стол и открыл ноутбук. На экране его ждала статья «Почему голуби — это не просто птицы, а городские стратеги». Он писал её уже вторую неделю и был твёрдо уверен, что голуби планируют свои маршруты так, чтобы максимально мешать пешеходам. У него даже были графики.

Пока он вчитывался в абзац про «тактику перекрытия тротуаров», в дверь позвонили.

Федя замер. Он никого не ждал. В его жизни не было людей, которые приходили бы без предупреждения. Даже ку-

рьер сначала писал в чат, потом звонил, потом стучал, потом уходил, потом снова писал, и только после этого Федя открывал дверь.

Звонок повторился. Настойчиво. Так звонят либо те, кто очень спешит, либо те, кто уверен, что ты дома и просто при-творяешься, что тебя нет.

Федя подошёл к двери, посмотрел в глазок и увидел... никого. То есть буквально: в коридоре было пусто.

Он осторожно приоткрыл дверь. И тут же получил по лбу чем-то мягким, но тяжёлым. Это был пакет. Пакет, который висел на ручке двери, и когда Федя приоткрыл её, пакет упал ему прямо на голову.

Из пакета высыпалось несколько листов бумаги, пара конфет в обёртках и записка: «Прости, что оставила у двери. Не хотела звонить, чтобы не разбудить. Тут документы. И конфеты. И ещё кое-что. Прости».

Подпись отсутствовала.

Федя стоял, держа в руках пакет, бумаги и конфеты, и чувствовал, как его спокойное утро начинает ускользать, как вода сквозь пальцы.

Он собрал всё обратно, зашёл в квартиру, положил пакет на стол рядом с ноутбуком и решил, что сначала допьёт кофе, а потом уже будет разбираться с таинственными пакетами.

Но кофе уже остыл. И выглядел ещё подозрительнее, чем раньше.

Федя махнул рукой, убрал чашку в раковину и решил, что сегодня кофе — это не его судьба. Вместо этого он заварил чай. Чай был простым, без претензий, и на какое-то время вернул ему ощущение контроля над ситуацией.

Потом он начал разбирать бумаги из пакета. Там были какие-то квитанции, договор на что-то, ещё один договор, копия чего-то ещё, и в самом низу — маленькая коробочка.

Коробочка была аккуратной, с бантиком. Федя осторожно её открыл. Внутри лежал брелок в виде голубя. На брелоке было написано: «Ты всё поймёшь».

Федя посмотрел на брелок, потом на бумаги, потом на кота, который сидел на подоконнике и смотрел на него с выражением «я тут ни при чём».

— Кто-нибудь объяснит, что происходит? — вслух спросил Федя.

Кот молча моргнул.

Решив, что разбираться с этим позже, Федя убрал всё в ящик стола, погладил кота и вернулся к статье. Но сосредоточиться уже не получалось. Его мысли крутились вокруг пакета, брелочка и фразы «Ты всё поймёшь», которая звучала то ли как обещание, то ли как угроза.

Чтобы немного отвлечься, он решил сходить в магазин. Магазин был небольшим, уютным, и там всегда пахло свежим хлебом и надеждой. Федя любил это место. Там всё было понятно: хлеб — на полке, молоко — в холодильнике, кассир — за кассой, и никто не оставляет загадочные пакеты у дверей.

Он взял корзинку, положил туда хлеб, молоко, пачку печенья и направился к кассе. По пути он заметил, что на полке с консервами стоит банка, которая явно была не на своём месте. Она стояла вверх дном.

Федя остановился. Он не мог пройти мимо. Его внутренний перфекционист кричал: «Исправь это! Восстанови порядок!»

Он аккуратно перевернул банку. И в тот же момент услышал громкий треск.

Это упала полка. Не вся полка, а её часть. Но упала эффектно: с грохотом, звоном и таким звуком, будто весь магазин решил устроить концерт без предупреждения.

Консервы покатались по полу, коробки посыпались, а одна банка (какая-то особенно упрямая) докатилась прямо до кассы и остановилась у ног кассира.

Кассир, молодая девушка с уставшими глазами, посмотрела на банку, потом на Федю, потом снова на банку.

— Это ты сделал? — спокойно спросила она.

— Ну, не специально, — пробормотал Федя.

Девушка вздохнула, будто это был не первый раз, когда кто-то случайно устраивал в магазине мини-апокалипсис.

— Ладно. Поможешь собрать?

Федя кивнул и принялся собирать консервы. Он старался делать это быстро и аккуратно, но чем быстрее он двигался,

тем больше казалось, что всё вокруг становится только хуже. Одна коробочка выскользнула из рук, другая упала, а третья вообще каким-то образом оказалась на соседней полке, будто решила сбежать.

Когда всё наконец собрали, кассир посмотрела на Федю и сказала:

— Знаешь, у тебя талант.

Федя напрягся.

— Какой талант?

— Создавать хаос из ничего.

Федя хотел возразить, но понял, что возражать тут бесполезно.

Он оплатил покупки, взял пакет и вышел из магазина, чувствуя, что день уже не будет прежним.

На улице было пасмурно. Ветер гнал по тротуару обрывки газет, пластиковые стаканчики и ощущение, что что-то вот-вот случится.

Федя шёл домой, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы случайно не спровоцировать ещё какую-нибудь катастрофу. Но судьба, видимо, решила, что одного магазина ей мало.

Прямо перед ним на тротуаре лежала банановая кожура. Жёлтая, блестящая, будто специально подстроенная, чтобы стать причиной всех бед.

Федя заметил её заранее. Он мог обойти. Мог перепрыгнуть. Мог даже аккуратно убрать её в урну, чтобы спасти кого-нибудь другого от подобной участи.

Но он поскользнулся.

Это был не просто поскользнулся, а целый каскад движений, достойный олимпийской медали по художественной неуклюжести. Сначала нога поехала вперёд, потом тело попыталось сохранить равновесие, руки взлетели вверх, как у дирижёра, который внезапно забыл партитуру, а затем Федя врезался прямо в тележку с арбузами.

Тележка возмущённо закричала, покатила вперёд и врезалась в столб. Столб, старый и уставший от жизни, не выдержал такого обращения и уронил вывеску «Ремонт обуви». Вывеска полетела вниз с драматизмом, достойным сцены из блокбастера, и едва не придавила кота Василия.

Кот Василий был местной знаменитостью. Он жил в подвале соседнего дома и считал себя главным наблюдателем района. У него даже была страничка в соцсетях, где он публиковал фото с подписями вроде «Опять эти люди что-то ломают» и «Где моя рыба?». В тот день он как раз собирался сделать пост «Я — кот месяца», и тут эта вывеска.

Василий успел отскочить в последний момент, но его достоинство было задето. Он сел, гордо выпрямился и посмотрел на Федю так, будто тот только что разрушил всю его карьеру.

— Прости, Василий, — пробормотал Федя, отряхиваясь и пытаясь собрать остатки своего достоинства вместе с обрывками статьи про голубей, которые всё ещё лежали у него в кармане.

Дальше события развивались с пугающей скоростью. Кто-то вызвал полицию. Кто именно — история умалчивает, но подозревали бабушку из третьего подъезда, которая всегда была начеку и знала всех голубей по именам.

Полицейские приехали быстро, будто ждали повода выехать на вызов. Один из них, лейтенант с усталыми глазами и аккуратной причёской, посмотрел на Федю и спросил:

— Расскажите, что произошло.

Федя попытался объяснить, что это была банановая кожура, тележка, столб и вывеска — целая цепочка случайностей, но его слова звучали так, будто он сочиняет оправдание для плохого сценария.

— То есть вы утверждаете, что тележка с арбузами сама поехала на столб, а вы просто оказались рядом? — уточнил лейтенант, делая пометки в блокноте.

— Ну, не совсем сама. Я её немного... подтолкнул. Не специально!

Лейтенант вздохнул, потёр переносицу и продолжил заполнять протокол. И тут выяснилось, что на столе лежит ключ от камеры. Просто лежит. Как будто его туда положили специально, чтобы кто-нибудь обязательно заметил.

Федя заметил. И, возможно, это было его главной ошибкой.

— А зачем он тут? — не удержался он.

— Это не для вас, — строго ответил лейтенант.

Но слово было сказано, и атмосфера в комнате изменилась. Теперь Федя казался не просто участником нелепой истории, а потенциальным организатором массового побега.

Пока лейтенант заполнял бумаги, Федя сидел на стуле и думал, что, наверное, самое обидное в этой ситуации — это то, что его статья про голубей так и осталась недописанной. Он хотел доказать, что голуби — это не просто птицы, а настоящие стратеги, которые управляют городом. А теперь вместо этого он сидел в отделении полиции и пытался объяснить, как банановая кожура чуть не стала причиной международного инцидента.

Через несколько часов, после череды недоразумений, путаницы в документах и одного случая, когда Федя случайно подписал не тот бланк (потому что ручка была очень удобной и он не удержался), ему сообщили, что дело будет передано дальше.

— Куда дальше? — спросил Федя, чувствуя, как его надежда на быстрое разрешение ситуации тает, как снег в марте.

— В суд, — коротко ответил лейтенант.

Федя сглотнул. Суд. Это слово звучало так, будто его жизнь только что перешла на новый, гораздо более сложный уровень.

По дороге домой (а его всё-таки отпустили под подписку о невыезде) Федя думал о том, как один маленький шаг — буквально один шаг на банановой кожуре — может изменить всю твою жизнь. Ещё утром он просто хотел выпить кофе и дописать статью про голубей. А теперь он был фигурантом дела, участником цепочки нелепых событий и человеком, который случайно чуть не стал причиной падения вывески на местного кота-знаменитость.

Дома его встретил кот. Он посмотрел на Федю, будто знал всё, что произошло, и осуждал его за это.

— Не смотри на меня так, — сказал Федя, снимая куртку.
— Я не хотел.

Кот фыркнул и ушёл в другую комнату, оставив Федю наедине с его мыслями и с пакетом, который всё ещё лежал на столе.

Федя сел, посмотрел на пакет, на брелок в виде голубя, на недописанную статью на экране ноутбука, и вдруг понял одну важную вещь: иногда жизнь сама пишет за тебя сценарий,

и этот сценарий всегда получается немного абсурдным.

Он вздохнул, налил себе стакан воды (кофе и чай он решил сегодня не трогать) и подумал: «Главное — чтобы завтра было спокойнее».

Как он ошибался.

На следующее утро Федя решил, что сделает всё возможное, чтобы день прошёл спокойно. Никаких магазинов, никаких полок, никаких банановых корок. Только дом, кот, чай и статья про голубей. Он даже написал себе список правил:

1. Не трогать ничего, что выглядит подозрительно.
2. Не пытаться «помочь», если тебя не просили.
3. Избегать любых продуктов, которые могут стать причиной скольжения.
4. Не подписывать ничего, не прочитав трижды.
5. Не смотреть в глаза случайным пакетам у двери.

Список его успокоил. Он чувствовал, что теперь у него есть план, а значит, всё будет хорошо.

Но планы, как известно, имеют свойство рушиться.

Первым тревожным звонком стал звонок в дверь. Федя

замер. Опять? Он подошёл к глазку, посмотрел и увидел... ничего. То есть опять в коридоре было пусто.

Он осторожно приоткрыл дверь. На этот раз никакого пакета не было. Но на полу лежала записка: «Прости. Забыла вчера кое-что важное. Вот, положила. Прости». И рядом — ещё одна маленькая коробочка.

Федя закрыл дверь, прислонился к ней спиной и прошептал:

— Я просто хотел спокойно дописать статью.

Он поднял коробочку, открыл её и обнаружил внутри ещё один брелок. На этот раз — в виде почтового ящика. На нём было написано: «Скоро всё станет ясно».

Федя посмотрел на брелок, потом на первую коробочку с голубем, потом на кота, который наблюдал за ним с безопасного расстояния.

— Это какой-то квест, — пробормотал он.

Кот снова фыркнул.

Решив, что с этим он разберётся позже, Федя положил ко-

робочку рядом с первой и сел за ноутбук. Статья про голубей смотрела на него с экрана, будто смеялась над его попытками вернуть контроль над ситуацией.

Он начал печатать. Слова шли тяжело, будто сами не верили, что их кто-то будет читать. Но Федя старался. Он хотел закончить эту статью, чтобы хотя бы одно дело в его жизни было доведено до конца.

И тут зазвонил телефон.

Номер был незнакомым. Федя подумал, что можно не отвечать. Но внутренний голос подсказывал, что если он не ответит сейчас, то потом будет ещё хуже.

— Алло? — осторожно сказал он.

— Здравствуйте, это служба доставки, — бодро ответил голос на том конце. — Вы заказывали... э-э... что-то?

— Нет, — уверенно ответил Федя.

— А у нас тут заявка на ваше имя. Доставка на сегодня. Курьер уже выехал.

Федя почувствовал, как его спокойствие начинает тре-

щать по швам.

— Я ничего не заказывал.

— Может, кто-то из родственников? Или друзей?

— У меня нет родственников, которые что-то заказывают на моё имя. И друзей тоже.

Курьер помолчал.

— Странно. Заявка точно на ваш адрес. Может, это ошибка?

— Наверное, — устало сказал Федя. — Но лучше отмените, пожалуйста.

— Хорошо. Отменяю. Извините за беспокойство.

Федя положил трубку и посмотрел на кота.

— Видишь? — сказал он. — Даже курьеры путают меня с кем-то другим.

Кот моргнул, будто хотел сказать: «А ты удивляешься?»

Но на этом день не закончился.

Через час в дверь снова позвонили. На этот раз Федя не стал смотреть в глазок. Он просто открыл дверь и увидел курьера с коробкой.

— Вы же отменили заказ, — растерянно сказал Федя.

— А я не по тому заказу, — ответил курьер, протягивая коробку. — Это другой. Под роспись.

Федя подписал бумагу, взял коробку, закрыл дверь и сел на пол. Коробка была небольшой, но тяжёлой, будто внутри лежало что-то важное. Или что-то очень плотное.

Он открыл её. Внутри лежала книга. Толстая, в твёрдом переплёте, с названием «Искусство жить спокойно». На обложке был изображён человек, который сидит на берегу моря и смотрит на закат. Подпись гласила: «Это возможно».

Федя посмотрел на книгу, потом на свои записи про голубей, потом на брелоки, потом на кота.

— Мне её подарили, чтобы я успокоился? — вслух спросил он.

Кот не ответил.

Федя поставил книгу на полку, сел за стол и решил, что сейчас он точно допишет статью. Он будет игнорировать всё странное, всё непонятное и всё, что пытается отвлечь его от главного.

Но тут в окно постучали.

Не сильно. Так, будто кто-то легонько постучал костяшками пальцев.

Федя поднял голову. Окно было закрыто. Он жил на третьем этаже.

Он подошёл к окну, отодвинул занавеску и увидел... голубя. Обычного городского голубя, который смотрел на него через стекло с таким выражением, будто знал все его секреты.

Голубь постучал ещё раз. Потом наклонил голову. Потом снова постучал.

— Ты что, со мной разговариваешь? — спросил Федя.

Голубь моргнул.

Федя отступил от окна, сел на стул и понял одну простую вещь: этот день не будет спокойным. И, возможно, ближайшие дни тоже.

А через несколько часов его снова вызвали в полицию. На этот раз по другому поводу. Оказалось, что тележка с арбузами, столб и вывеска стали частью более крупного разбирательства, и Федя был ключевым свидетелем. Или подозреваемым. Или кем-то посередине. Он уже сам не понимал.

И вот тогда, сидя в отделении и глядя на стопку бумаг, которые ему снова предлагали подписать, Федя понял: его спокойная жизнь закончилась. И началась новая — та, о которой он никогда не думал и которую точно не планировал.

После второго визита в отделение полиции Федя вернулся домой в состоянии, которое можно было описать как «тихий ужас с элементами паники». Он не то чтобы считал себя преступником — скорее человеком, который случайно стал главным героем плохо написанного детектива, где никто толком не знает, кто злодей, а кто просто мимо проходил.

Кот встретил его у двери, посмотрел долгим, многозначительным взглядом и ушёл в комнату, будто давая понять: «Я предупреждал».

Федя сел на табуретку, снял ботинки, глубоко вздохнул и сказал вслух:

— Всё. Никаких приключений. Больше ни шагу из дома.

Но Вселенная, видимо, восприняла это как вызов.

Первым делом он решил разобраться с бумагами. С теми самыми, что лежали в таинственном пакете у двери. Он разложил их на столе, как пасьянс, и стал вчитываться. Там были квитанции, договор на вывоз мусора (который он не заключал), копия какого-то акта, ещё один акт, и в самом низу — маленькая записка, написанная другим почерком: «Это не то. Прости. Сейчас всё пришлю».

Федя уставился на записку.

— Кто «сейчас всё пришлёт»? — пробормотал он. — И что «не то»?

Он взял телефон, чтобы написать хоть кому-нибудь: «Ребята, что происходит?», но потом подумал, что если он начнёт это выяснять, то втянется в переписку на три дня, а у него и так нервы на пределе.

Вместо этого он решил заняться самым безопасным делом, какое только мог придумать: приготовить себе бутерброд.

Бутерброд — это ведь просто. Хлеб, масло, сыр. Три ингредиента, никаких интриг.

Он достал хлеб. Хлеб был свежим, мягким и, казалось, не собирался устраивать никаких катастроф. Масло тоже выглядело безобидно. А вот сыр... Сыр был из тех, что продаётся в нарезке, и каждая пластинка упакована отдельно. И вот когда Федя попытался снять плёнку с одной пластинки, она не поддалась.

Это была не просто плёнка. Это была броня. Защита от всех, кто когда-либо пытался сделать себе бутерброд спокойно.

Федя потянул. Плёнка не сдвинулась. Он потянул сильнее. Плёнка хихикнула (ну, или ему так показалось) и обвилась вокруг его пальцев, как змея.

В итоге он чуть не уронил всю упаковку, чудом поймал её, но при этом задел локтем стакан с водой, который стоял рядом. Стакан упал, но не разбился — он просто скользнул по столу, как на коньках, и остановился у самого края.

Федя замер, глядя на стакан, будто тот мог в любой момент принять окончательное решение: упасть или остаться.

Стакан остался. Пока.

С сыром он в итоге справился, но победа далась дорогой ценой. Бутерброд получился кривым, будто его собирали в темноте, но Федя решил, что главное — содержание, а не форма.

Он сел за стол, откусил, вздохнул и подумал: «Вот оно. Спокойная жизнь. Бутерброд, кот, тишина».

И в этот самый момент снова позвонили в дверь.

Федя медленно повернул голову в сторону двери, потом посмотрел на кота. Кот сидел на подоконнике и выглядел так, будто знал, что сейчас произойдёт, и заранее не одобрял.

— Я никого не жду, — сказал Федя, скорее себе, чем коту.

Звонок повторился. Настойчиво. Как будто кто-то очень хотел, чтобы Федя открыл дверь и признал, что его спокойная жизнь — это иллюзия.

Федя подошёл к глазку. В коридоре опять никого не было.

— Опять пакет? — прошептал он.

Он приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы просунуть руку, и нащупал... конверт. Обычный белый конверт, без марки, без адреса, только его фамилия, написанная аккуратным почерком.

Федя закрыл дверь, прислонился к ней спиной, вздохнул и вскрыл конверт.

Внутри лежала ещё одна записка: «Прости, что всё так. Скоро всё встанет на свои места. Держись».

Подпись снова отсутствовала.

Федя посмотрел на конверт, потом на стол, где лежали бумаги, потом на брелок-голубя, потом на книгу «Искусство жить спокойно», которая теперь казалась злой шуткой.

— Это какой-то квест для людей с крепкими нервами, — пробормотал он.

Кот спрыгнул с подоконника, подошёл, потёрся о ногу и мяукнул. Как будто сказал: «Брось это. Погладь меня».

Федя погладил кота, сел на диван и решил, что с него хватит. Он не будет больше ни во что ввязываться. Никаких пакетов, никаких конвертов, никаких звонков. Он просто посидит, подышит, посмотрит в окно и постарается не думать о том, что его жизнь похожа на плохо склеенный фильм, где монтажёр уснул на середине.

Но тут в окно снова постучали.

Тот же голубь. Тот самый, который уже однажды смотрел на него с таким видом, будто знает все его тайны. Он сидел на отливе и снова стучал клювом по стеклу.

— Ты серьёзно? — спросил Федя, вставая с дивана.

Голубь наклонил голову. Потом постучал ещё раз. Потом сделал вид, что отряхивается, будто это он тут ни при чём, а стекло само по себе стучит.

Федя подошёл к окну, приоткрыл форточку и сказал:

— Слушай, у меня и так день не задался. Давай ты не будешь усложнять?

Голубь посмотрел на него, моргнул, потом резко взмахнул

крыльями и улетел, оставив после себя только лёгкое перышко, которое плавно опустилось на подоконник.

Федя взял перышко, покрутил его в пальцах и подумал: «Может, это знак. Может, надо просто всё бросить и уехать туда, где нет голубей, пакетов у дверей и непонятных бумаг».

Но уехать он не успел.

Через полчаса ему снова позвонили. На этот раз из полиции.

— Фёдор Иванович, вы не могли бы снова подъехать? Возникли дополнительные вопросы по делу, — вежливо, но непреклонно сказал голос в трубке.

Федя сжал телефон так, что тот чуть не пискнул.

— Какие ещё вопросы? — устало спросил он.

— Тут выяснилось, что тележка с арбузами была... э-э... не совсем обычной.

— А какой она была? — насторожился Федя.

— Она числилась на балансе муниципального предприя-

тия. И, кажется, в ней перевозили что-то важное.

Федя почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— В ней были арбузы, — упрямо сказал он.

— Да, но, возможно, не только они.

Федя прикрыл глаза.

— Я просто поскользнулся на банановой кожуре.

— Мы понимаем. Но нам нужно ещё раз всё зафиксировать.

И он поехал. Опять.

На этот раз в отделении было больше людей. Кто-то ходил с папками, кто-то говорил по телефону, кто-то смотрел на Федю так, будто он был не свидетелем, а главным подозреваемым в заговоре против арбузов.

Лейтенант, который его допрашивал, выглядел ещё более уставшим, чем в прошлый раз.

— Садитесь, — сказал он, указывая на стул.

Федя сел.

— Ещё раз расскажите, что произошло. Только теперь постарайтесь вспомнить всё. Даже мелочи.

Федя вздохнул и начал:

— Я шёл. Увидел банановую кожуру. Поскользнулся. Вре-
зался в тележку...

— А что было в тележке, кроме арбузов? — перебил лей-
тенант.

— Арбузы, — упрямо повторил Федя. — Много арбузов.

— Но есть сведения, что там могло быть ещё что-то.

— Например?

Лейтенант помолчал, потом тихо произнёс:

— Документы. Важные документы.

Федя моргнул.

— В тележке с арбузами?

— Да.

— И кто их туда положил?

— Вот это мы и пытаемся выяснить.

Федя откинулся на стуле и посмотрел в потолок, будто там могла быть инструкция: «Что делать, если тебя подозревают в краже документов из тележки с арбузами, хотя ты просто поскользнулся».

Инструкции не было.

— Я не брал никаких документов, — твёрдо сказал он.

— Мы не говорим, что вы брали. Мы говорим, что они могли там быть. И после вашего... инцидента они пропали.

Федя почувствовал, что его мир окончательно перевернулся.

— То есть теперь я не просто человек, который поскользнулся, а человек, который случайно уничтожил важные документы, врезавшись в тележку с арбузами?

Лейтенант вздохнул:

— Звучит абсурдно, я понимаю. Но такова ситуация.

Федя хотел сказать что-то ещё, но тут в кабинет зашёл другой сотрудник и протянул лейтенанту папку.

— Тут ещё одно, — сказал он.

Лейтенант открыл папку, пробежал глазами по бумагам, потом поднял взгляд на Федю и произнёс фразу, от которой у Феде похолодели руки:

— Похоже, дело придётся передать дальше. В суд.

Федя сглотнул.

— А нельзя как-то... без суда?

— Не в моей компетенции.

И вот тогда Федя понял: его спокойная жизнь, его бутерброды, его статья про голубей и даже его попытки просто сидеть дома и не высовываться — всё это осталось где-то в прошлой жизни. А эта новая жизнь была похожа на лаби-

ринт, где на каждом повороте его ждала новая нелепость.

Когда он вышел из отделения, на улице уже темнело. Ветер гнал по тротуару обрывки газет и ощущение, что завтра будет не лучше.

Он шёл домой и думал: «Может, я просто сплю? Может, это такой длинный, очень реалистичный сон, и сейчас я проснусь, выпью нормальный кофе, поглажу кота и забуду всё это как страшный сон?»

Но кот, когда Федя вернулся, посмотрел на него так, будто прекрасно знал, что это не сон.

А на следующее утро всё стало ещё хуже.

Федя вернулся домой, сел на табуретку, снял ботинки и твёрдо решил: сегодня он не будет ничего трогать. Вообще ничего. Пусть мир крутится сам, без его участия. Он будет просто сидеть, смотреть на кота и дышать.

Кот, услышав это не вслух, а каким-то своим кошачьим чутьём, тут же запрыгнул на стол, прямо на стопку тех самых загадочных бумаг, и растянулся во всю длину, будто говоря: «Вот тебе и „ничего не трогать“».

— Ты специально, — буркнул Федя.

Кот моргнул. Без раскаяния.

Федя вздохнул, аккуратно вытащил из-под кота несколько листов (на одном из них теперь отчётливо виднелся след лапы), положил их обратно в ящик, сел на диван и сказал:

— Всё. Никаких дел. Никаких приключений. Только тишина.

И в этот момент щёлкнул выключатель. Но не сам по себе, а потому что Федя случайно задел его рукавом, когда садился. Свет погас. В комнате стало темно, как в сценарии триллера, который забыли дописать.

— Ну нет, — простонал Федя. — Только не это.

Он нащупал выключатель, щёлкнул обратно. Свет загорелся. Щёлкнул ещё раз — погас. Щёлкнул снова — загорелся. Ещё раз — и лампочка взорвалась с таким звуком, будто в патроне кто-то тихо, но решительно чихнул.

По комнате разлетелись мелкие осколки, один из которых, по закону подлости, приземлился прямо в чашку с остывшим чаем.

Федя посмотрел на чашку, потом на потолок, будто там могла висеть инструкция «Что делать, если бытовая техника объявила тебе войну». Инструкции не было.

— Ладно, — пробормотал он. — Чай я пить не буду.

Вместо этого он решил налить себе воды. Вода — это просто. Вода не взрывается. Вода не оставляет загадочных записок. Вода просто льётся.

Но не в этот день.

Когда он открыл кран, вода не полилась. Вместо этого кран издал звук, похожий на сдавленный стон, и выдал одну каплю. Капля повисла на носике, дрожала, будто боялась упасть, и наконец сорвалась — прямо Феде на ботинок.

Федя наклонился, посмотрел на каплю, потом на кран, потом снова на каплю.

— Ты издеваешься?

Кран снова застонал.

Федя закрыл кран, открыл его снова. Ничего. Ни капли.

Только этот жалобный звук, будто кран вот-вот расплывается.

— Так, ладно, — сказал Федя, доставая из шкафа бутылку воды, которую он держал «на всякий случай». — Вот тебе и «всякий случай».

Он открыл бутылку, налил воду в стакан, сделал глоток — и тут же выплюнул.

Вода была солёной.

Не слегка солоноватой, не «с минеральным привкусом», а именно солёной, будто кто-то растворил в ней столовую ложку соли и забыл предупредить.

Федя поставил стакан, посмотрел на бутылку, потом перевернул её, чтобы проверить этикетку. На этикетке было написано: «Вода питьевая, без добавок».

— Без добавок, — повторил Федя. — Ага.

Он понюхал бутылку. Пахла нормально. Попробовал ещё раз. Точно солёная.

— Это какая-то ошибка на производстве, — вслух сказал он, будто пытаясь убедить самого себя.

Кот прыгнул со стола, подошёл, понюхал стакан и фыркнул. Как будто хотел сказать: «Я же говорил, не связывайся с водой».

Решив, что пить сегодня он вообще не будет, Федя убрал бутылку в шкаф, закрыл дверцу — и тут шкаф решил, что с него хватит. Дверца не закрылась. Она щёлкнула, дёрнулась и осталась висеть под углом, будто демонстрировала своё презрение к человеческой логике.

Федя потянул дверцу. Она не поддалась. Он потянул сильнее. Дверца скрипнула, как будто смеялась над ним.

— Да что ж такое! — рявкнул Федя.

Шкаф ответил тишиной. Но такой выразительной, что становилось ясно: шкаф всё понял и теперь просто игнорирует.

В итоге Федя подпёр дверцу стулом, сел на другой стул и подумал: «Может, мне просто не стоит ничего делать? Может, если я посижу пять минут и не буду трогать ни выключатели, ни краны, ни шкафы, мир успокоится?»

Пять минут прошли. Мир не успокоился.

Зато зазвонил телефон.

Номер был незнакомым. Федя хотел не отвечать. Честно хотел. Но внутренний голос шептал: «Если не ответишь, потом будет хуже».

— Алло? — осторожно сказал он.

— Здравствуйте, это служба контроля качества, — бодро ответил голос. — Мы проводим опрос о качестве питьевой воды. Скажите, пожалуйста, устраивает ли вас вкус воды, которую вы употребляете?

Федя замер.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно. Нам важно мнение каждого потребителя.

Федя посмотрел на стакан с солёной водой, потом на шкаф, который теперь стоял с подпоркой, потом на кота, который наблюдал за всем этим с безопасного расстояния.

— Знаете что, — сказал он. — Сегодня вода у меня... особенная.

— Что значит «особенная»? — не понял оператор.

— Со вкусом драмы.

Оператор помолчал.

— Мы не фиксируем такой параметр.

— Жаль. Он тут главный.

Федя положил трубку, глубоко вздохнул и решил, что сейчас он сделает самое простое и безопасное действие, какое только может быть: погладит кота.

Он протянул руку. Кот посмотрел на неё, потом на Федю, потом снова на руку. И аккуратно отошёл на шаг.

— Эй, я же не кусаюсь, — сказал Федя.

Кот фыркнул.

— Ладно, не хочешь — не надо.

И тут замигал экран ноутбука. Тот самый ноутбук, на котором Федя так и не дописал статью про голубей. Экран миг-

нул, потом потемнел, потом снова загорелся, и на нём появилось окно: «Обновление системы. Не выключайте компьютер. Процесс займёт 3 часа».

Федя уставился на экран.

— Три часа? Сейчас?

Ноутбук не ответил. Он просто начал скачивать что-то с такой скоростью, будто пытался убежать от этой квартиры.

— У меня и так день не задался, — пробормотал Федя.

А потом он услышал звук, от которого у него похолодели руки.

Стук в дверь.

Не звонок. Не трель. А именно стук. Три чётких удара, будто кто-то хотел подчеркнуть: «Мы знаем, что ты дома. И мы пришли».

Федя медленно повернул голову в сторону двери. Кот, который до этого момента вёл себя как сторонний наблюдатель, вдруг вскочил, метнулся в коридор, прижался к стене и зашипел — так, будто за дверью стоял не человек, а воплоще-

ние всех его кошачьих кошмаров.

— Тихо, — прошептал Федя.

Он подошёл к двери, прижался ухом к холодному металлу и прислушался.

С той стороны молчали.

— Кто там? — спросил он.

Никто не ответил.

Федя осторожно посмотрел в глазок. И увидел... ничего. Опять пустой коридор.

— Опять пакет, — простонал он.

Он приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы просунуть руку, нащупал что-то гладкое и плоское, втянул это внутрь и закрыл дверь.

Это была коробка. Небольшая, картонная, с аккуратной наклейкой: «Для Феди. Срочно. Прости».

Федя сел на пол, поставил коробку перед собой и посмот-

рел на неё так, будто она могла сама открыться и всё объяснить.

Коробка не открылась.

Тогда Федя вздохнул, надорвал скотч, открыл крышку... и увидел внутри ещё одну кружку. Точь-в-точь как его любимая, с котиком. Только котик тут был не обычный, а в плаще супергероя.

На дне коробки лежала записка: «Теперь у тебя будет запасная. Вдруг что».

Федя взял кружку, посмотрел на котика в плаще, потом на свою старую кружку (которая стояла на полке и смотрела на новую с лёгким недоверием), потом на кота, который всё ещё сидел в углу и выглядел так, будто готов в любой момент выпрыгнуть в окно.

— Это что, утешительный приз? — пробормотал Федя.

Кот мяукнул. Будто сказал: «Брось это. Давай лучше спрячемся под диван».

Но спрятаться Федя не успел.

Через десять минут снова позвонили из полиции.

— Фёдор Иванович, нам нужно, чтобы вы ещё раз подъехали. Появились новые обстоятельства.

Федя прикрыл глаза.

— Какие ещё обстоятельства?

— Оказывается, тележка с арбузами стояла не там, где должна была. И, возможно, её перемещение повлияло на работу светофора на перекрёстке.

Федя почувствовал, как у него дёргается глаз.

— На работу светофора?

— Да. Светофор переключился не вовремя, из-за этого возникла пробка, а из-за пробки курьер не доставил важный пакет.

Федя хотел спросить: «А пакет был адресован мне?», но понял, что если он это спросит, то окончательно поверит, что живёт внутри чьей-то злой шутки.

— Я сейчас приеду, — тихо сказал он.

Когда он положил трубку, кот подошёл, уткнулся лбом в его колено и мяукнул так, будто хотел сказать: «Держись. Даже если мир сошёл с ума, я тут».

Федя погладил кота, встал, надел куртку и подумал: «Ладно. Пусть будет ещё один визит в полицию. А потом я вернусь, заварю себе нормальный чай, закрою все шкафы, отключу все ноутбуки и просто посижу в тишине».

Но он не знал, что в отделении его уже ждёт не просто стопка бумаг, а целая папка с надписью: «Дело Феди: банановая кожура и её последствия». И что эта папка — только начало истории, которая приведёт его туда, где даже каша с изюмом кажется чем-то понятным и почти уютным.

Федя зашёл в отделение полиции, как заходят в комнату, где вот-вот упадёт шкаф: с напряжённой спиной, втянутой головой и мыслью «только бы не задеть».

В вестибюле пахло кофе, старыми папками и вселенской усталостью. За стойкой сидела сотрудница с таким лицом, будто она уже знала про Федю всё — даже то, что он вчера не доел бутерброд.

— Вы к кому? — спросила она, не поднимая глаз от стоп-

ки бумаг.

— Меня... вызывали. По делу о тележке с арбузами.

Сотрудница медленно подняла взгляд.

— А, это вы.

Фраза прозвучала так, будто Федя был не гражданином, а стихийным бедствием, которое уже внесли в график.

— Пройдите в кабинет 107. Вас ждёт старший специалист по нестандартным ситуациям.

— По каким ситуациям? — насторожился Федя.

— По тем, где арбузы влияют на светофоры.

Федя кивнул, будто это было самое обычное объяснение в мире, и пошёл по коридору. По дороге он заметил табличку: «Не бегать. Пол скользкий. Особенно в районе кабинета 103».

Кабинет 107 оказался маленьким, тесным и забитым папками так плотно, что казалось, будто помещение само размножается бумагами. За столом сидел человек в очках, с ак-

куратной стопкой документов перед собой и выражением лица «я видел всё, но это — особенно».

— Присаживайтесь, Фёдор Иванович, — сказал он, даже не глядя на Федю. — Я — Игорь Степанович, старший специалист по нестандартным ситуациям.

— Очень приятно, — пробормотал Федя, усаживаясь на стул, который подозрительно скрипнул, будто собирался подать жалобу.

Игорь Степанович открыл папку, на которой крупными буквами было написано: «Дело Феди: банановая кожура и её последствия».

Федя сглотнул.

— Итак, — продолжил Игорь Степанович, водя пальцем по строчкам, — у нас есть банановая кожура. Есть тележка с арбузами. Есть столб. Есть вывеска «Ремонт обуви». Есть кот Василий. И есть светофор.

— Да, — осторожно подтвердил Федя.

— Светофор, — повторил Игорь Степанович с таким уважением, будто светофор был не устройством, а древним бо-

жеством. — Светофор переключился не вовремя. Из-за этого возникла пробка. Из-за пробки курьер не доставил пакет. А в пакете, по неподтверждённым данным, могло находиться...

Он сделал паузу.

— Что? — выдохнул Федя.

— Заявление на продление парковочного разрешения.

Федя моргнул.

— То есть... я поскользнулся на коже, врезался в тележку, из-за этого упал столб, упала вывеска, светофор сработал неправильно, возникла пробка, курьер не приехал, и теперь кто-то не сможет парковаться?

Игорь Степанович кивнул.

— Примерно так. Но это только вершина айсберга.

Он достал из папки ещё один лист.

— Кроме того, есть версия, что тележка с арбузами стояла в зоне, где парковка запрещена. А значит, формально она

сама нарушала правила. То есть мы имеем дело не просто с происшествием, а с цепочкой нарушений.

— Но я же не знал, что она там стояла неправильно! — возразил Федя.

— Знание не снимает ответственности за последствия, — серьёзно ответил Игорь Степанович.

Федя хотел возразить, но понял, что спорить с этой логикой — всё равно что пытаться уговорить дождь перестать идти, размахивая зонтом.

— Нам нужно зафиксировать ваши показания ещё раз, — сказал Игорь Степанович. — И заполнить несколько дополнительных форм.

— Сколько? — осторожно спросил Федя.

— Пять.

— Пять?

— Плюс приложение.

Федя посмотрел на стопку бумаг, которую Игорь Степа-

нович начал выкладывать на стол. Бумаги шуршали так, будто радовались, что нашли нового союзника в борьбе с человеческим спокойствием.

Первую форму Федя заполнял честно. Вторую — уже с подозрением. К третьей он начал сомневаться в реальности происходящего. А когда добрался до приложения, озаглавленного «Оценка косвенного влияния банановой кожуры на транспортную ситуацию», он поднял глаза на Игоря Степановича и тихо спросил:

— Это шутка?

Игорь Степанович даже не улыбнулся.

— У нас нет шуток. У нас есть регламенты.

Федя вздохнул и продолжил писать. В графе «Предполагаемый ущерб» он хотел написать «ноль», но Игорь Степанович деликатно кашлянул.

— Лучше укажите «не поддаётся точной оценке». Так будет корректнее.

— Хорошо, — пробормотал Федя.

Когда он наконец подписал последнюю строчку, Игорь Степанович аккуратно собрал все листы, подровнял их постукиванием о стол (будто возвращая бумагам достоинство) и положил в папку.

— Отлично. Теперь нужно заверить копии.

— Копии чего?

— Всего.

Федя почувствовал, как у него дёргается веко.

Пока Игорь Степанович ходил к ксероксу, Федя остался один в кабинете. Он посмотрел на папки, на календарь, на табличку на стене «Порядок — основа работы», и вдруг заметил на подоконнике маленький предмет.

Это был брелок в виде голубя. Точно такой же, как тот, что лежал у него дома в ящике стола.

Федя замер.

— Откуда это здесь? — прошептал он.

В этот момент вернулся Игорь Степанович с пачкой ко-

пий.

— Что-то не так? — спросил он.

— Нет, — быстро ответил Федя, отводя взгляд от брелока.
— Всё в порядке.

Но брелок будто подмигивал ему из полутени подоконника: «Ты думал, ты один во всём этом разбираешься? Ха!»

Дальше всё пошло по нарастающей.

Оказалось, что копии нужно не просто сделать, а ещё и пронумеровать, прошнуровать и заверить печатью. Причём печатью не обычной, а специальной, которая хранится у начальника отдела, а начальник отдела сейчас на совещании, а совещание продлится ещё час, а час — это приблизительное время, потому что совещания тоже имеют свойство затягиваться из-за непредвиденных обстоятельств.

— Каких обстоятельств? — не удержался Федя.

— Например, кто-то случайно нажал не ту кнопку на кофемашине, и теперь она выдаёт кофе с корицей, хотя никто не просил.

Федя закрыл глаза.

— Я просто хотел спокойно дописать статью про голубей,
— пробормотал он.

— Про голубей? — оживился Игорь Степанович. — А это может быть важно.

— В каком смысле?

— Если голуби действительно управляют городом, возможно, они как-то связаны с банановой кожурой.

Федя открыл рот, чтобы сказать «это была шутка», но потом подумал: «А вдруг тут это считается уликой?» — и просто кивнул.

— Надо зафиксировать, — сказал Игорь Степанович и сделал пометку в блокноте.

Через полтора часа, когда наконец появилась нужная печать, а копии были должным образом оформлены, Игорь Степанович протянул Феде тонкую брошюру.

— Вот. Это памятка «Как не стать причиной цепочки непредвиденных обстоятельств». Ознакомьтесь. И подпи-

шите, что ознакомлены.

Федя взял брошюру. На обложке был нарисован человек, который осторожно обходит банановую кожуру, и подпись: «Безопасность начинается с шага».

Он подписал.

На выходе из отделения Федя остановился, глубоко вдохнул уличный воздух — и тут же чихнул, потому что ветер принёс ему прямо в лицо обрывок какой-то бумаги.

Бумага упала к его ногам. Федя наклонился, поднял её... и увидел, что это копия одной из его форм. Та самая, где он писал про «косвенное влияние кожуры».

— Ну конечно, — пробормотал он, комкая бумагу и бросая её в урну.

Кот Василий, который как будто специально ждал этого момента, вышел из-за угла, сел на тротуар и посмотрел на Федю так, будто хотел сказать: «Я же говорил: не связывайся с кожурой».

Федя потёр виски, посмотрел на небо, где собирались тучи, и подумал: «Ладно. Сейчас я вернусь домой, заварю се-

бе чай, закрою все шкафы, отключу ноутбук, поглажу кота и просто посижу в тишине. Без бумаг. Без печатей. Без брелоков».

Но стоило ему подумать про «тишину», как из окна соседнего дома кто-то громко крикнул:

— Эй, ты там! Опять что-то натворил?!

Федя медленно повернул голову. На балконе стоял сосед дядя Коля, человек, который знал про всех всё и считал своим долгом делиться этим знанием с миром.

— Я ничего не натворил! — крикнул Федя.

— А почему тогда полиция опять к тебе ездила?

— Это недоразумение!

Дядя Коля хмыкнул, будто «недоразумение» было самым частым словом в Федевой жизни.

— Смотри, аккуратнее там. А то опять весь двор на уши поставишь.

И ушёл, оставив Федю одного с ощущением, что даже

двор теперь смотрит на него с подозрением.

По дороге домой Федя старался не смотреть по сторонам. Он обходил каждую подозрительную тень, каждую коробку у подъезда, каждую кошку, которая смотрела на него чуть дольше обычного.

А когда он наконец открыл дверь своей квартиры, первое, что он увидел, — это ещё одну записку. Она лежала прямо на коврике, прислонённая к дверной ручке.

«Прости. Это последняя. Честно. Держись».

Федя сел прямо на коврик, прислонился спиной к двери и закрыл лицо руками.

Кот подошёл, сел рядом, положил голову Феде на колено и тихо мяукнул.

— Спасибо, — прошептал Федя. — Хотя ты не требуешь от меня никаких подписей.

Федя сидел на коврике, прислонившись спиной к двери, и думал, что если сейчас зазвонит телефон, он не будет отвечать. Даже если это президент. Даже если это служба спасения. Даже если это курьер, который наконец-то везёт ему

нормальный, не солёный чай.

Кот положил голову Феде на колено, тихо мяукнул, будто говорил: «Я с тобой. Мы просто посидим. Мир может подождать».

И в этот момент зазвонил телефон.

Федя застонал.

— Не буду, — прошептал он.

Телефон не слушал. Он звенел так настойчиво, будто хотел доказать, что имеет право на внимание.

Федя вытащил телефон из кармана, посмотрел на экран... и увидел надпись: «Управляющая компания „Уютный двор“».

— Нет, — простонал он.

Но телефон продолжал звонить. И Федя, сам не понимая зачем, ответил:

— Алло?

— Фёдор Иванович, добрый день, — бодро сказал женский голос, в котором слышалась железная уверенность человека, который привык побеждать бытовую реальность одной только интонацией. — Это из управляющей компании. У нас к вам небольшое уточнение по акту.

— По какому акту? — глухо спросил Федя, будто уже знал, что ничего хорошего из этого не выйдет.

— Акт о ненадлежащем хранении бытовых предметов в жилом помещении. Вы его получили?

— Я ничего не получал.

— А мы отправляли. Курьером. И электронным письмом. И ещё положили в почтовый ящик. Три раза.

Федя прикрыл глаза.

— У меня нет почтового ящика.

— Есть. На первом этаже. С вашей фамилией.

— У меня там нет фамилии.

— Теперь есть. Мы обновили таблички.

Федя почувствовал, что его реальность начинает трещать по швам.

— И что в этом акте?

— Там перечислены предметы, хранение которых призна-
но потенциально небезопасным.

— Какие предметы?

— Например, кружка с котиком.

Федя посмотрел на полку, где стояла его любимая кружка. Кружка смотрела на него с невинным видом, будто не понимала, за что её внесли в чёрный список.

— Кружка опасна? — переспросил он.

— Она стоит слишком близко к краю. Это создаёт риск падения и, как следствие, осколков. Осколки — это травма. Травма — это вызов скорой. Скорая — это нагрузка на систему здравоохранения.

Федя хотел сказать «вы шутите», но вспомнил, с кем говорит, и сдержался.

— Ещё в списке, — продолжила сотрудница УК, — чайник, который издаёт подозрительные звуки, шкаф с перекошенной дверцей и...

Она сделала паузу, будто собиралась объявить приговор.

— И?

— Пакет, который вы не разобрали.

— Какой пакет?

— Тот, что стоял у двери. Мы зафиксировали его через камеру видеонаблюдения.

Федя медленно опустил телефон, посмотрел на кота и прошептал:

— Они следят за мной через камеры.

Кот моргнул. Будто хотел сказать: «А я тебе говорил: не открывай дверь незнакомцам».

— Мы просим вас подписать акт в течение трёх рабочих дней, — продолжала сотрудница. — Иначе мы будем вынуж-

дены инициировать проверку.

— Проверку чего?

— Безопасности жилого пространства.

Федя сжал телефон так, что тот тихо пискнул.

— Хорошо, — выдавил он. — Я подпишу.

— Отлично. Курьер уже выехал.

— Что?!

— Да. Он привезёт акт и форму для уточнения.

Федя положил трубку, сел на пол и посмотрел на кота.

— Это конец, — сказал он.

Кот фыркнул, подошёл к своему лотку, сел, задумался... и вдруг замер. Потом посмотрел на Федю, будто что-то вспомнил.

И тут Федя увидел, что на телефоне мигает уведомление.

Он открыл приложение ЖКХ (которое он скачал «на всякий случай» и забыл про него) — и обомлел.

Там было сообщение: **«Жалоба от пользователя: кот ведёт себя подозрительно. Часто сидит и смотрит в одну точку. Возможно, планирует что-то. Просьба проверить»**.

Под жалобой стояла галочка «Анонимная».

Федя уставился на экран.

— Кто-то пожаловался на моего кота? — прошептал он.

Кот, будто почувствовав, что речь о нём, поднял голову, посмотрел на Федю и мяукнул так, будто хотел сказать: «Это всё дядя Коля с балкона».

Федя открыл жалобу, пролистал вниз — и увидел ещё одно уведомление: **«Ваша банановая кожура внесена в реестр потенциально опасных объектов. Статус: подтверждена. Уровень угрозы: средний. Рекомендация: утилизировать в герметичном контейнере»**.

— Банановая кожура... в реестре... — повторил Федя, как человек, который внезапно понял, что живёт внутри плохо написанного антиутопического романа.

В этот момент в дверь позвонили.

Федя не двинулся.

Звонок повторился.

— Это курьер, — донёсся из-за двери бодрый голос. — Привёз акт и форму. Распишитесь, пожалуйста.

Федя встал, подошёл к двери, посмотрел в глазок... и увидел курьера в фирменной жилетке, с планшетом в руках и выражением лица «я просто делаю свою работу, не надо на меня так смотреть».

Он приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы просунуть руку, взял планшет, поставил подпись, не глядя, и вернул его курьеру.

— Спасибо, — сказал курьер и ушёл, будто ничего необычного не произошло.

Федя закрыл дверь, сел на табуретку и посмотрел на стопку бумаг, которую курьер оставил на тумбочке.

На самом верху лежала брошюра: «Как хранить предметы

безопасно: руководство для ответственных граждан». На обложке был изображён человек, который держит кружку двумя руками, смотрит на неё с уважением и не делает резких движений.

Рядом с брошюрой лежал маленький конверт. На нём было написано: «Срочно. Только для Феди».

Федя вздохнул, надорвал конверт, вытащил записку... и прочитал: «Прости. Это последняя. Честно. Держись».

Он скомкал записку, бросил её в сторону мусорного ведра — и промахнулся. Записка плавно опустилась на пол, рядом с ковриком, и легла так, будто хотела сказать: «Я всё равно буду здесь. Я часть этого хаоса».

Кот подошёл, понюхал записку, фыркнул и ушёл в другую комнату, будто решил, что с него на сегодня хватит абсурда.

А потом зазвонил телефон. Опять.

Федя посмотрел на экран. На этот раз было написано: «Суд. Канцелярия».

Он зажмурился.

— Пожалуйста, нет, — прошептал он.

Но телефон не слушал.

Федя ответил.

— Фёдор Иванович, — сказал спокойный, размеренный голос, в котором чувствовалась сила многолетней привычки сообщать людям неприятные новости так, чтобы они не падали в обморок сразу. — Вас вызывают на предварительное слушание. Дата назначена. Приходите обязательно.

— На слушание чего? — спросил Федя, уже зная ответ.

— Дела о банановой кожуре и её последствиях.

Федя прикрыл глаза.

— А можно... без меня?

— Нельзя. Вы — ключевой участник событий.

Когда он положил трубку, в квартире повисла тишина. Такая густая, что казалось, её можно было нарезать ломтиками и подавать к чаю.

Которого, кстати, у Феди всё равно не было. Потому что чайник, вспомнив, что его признали «подозрительным», демонстративно отказался кипятиться и теперь стоял на плите, будто показывая всем своим видом: «Я больше не участвую».

Федя сел на диван, обнял колени и подумал: «Ещё вчера я просто хотел дописать статью про голубей. А сегодня у меня проблемы с кружкой, котом, банановой кожурой и управляющей компанией. И меня вызывают в суд. И кто-то анонимно жалуется на поведение моего кота».

Кот вернулся, запрыгнул на диван, устроился рядом, положил голову Феде на плечо и тихо замурчал.

— Спасибо, — прошептал Федя. — Хоть ты не пишешь на меня жалобы.

И в этот момент на кухне что-то щёлкнуло.

Федя замер.

Щёлкнуло ещё раз.

Потом послышался тихий скрежет.

Потом — звук, похожий на вздох.

Федя медленно повернул голову в сторону кухни.

— Только не это, — прошептал он.

Холодильник открыл дверцу. Сам. На три сантиметра. Потом закрыл. Потом снова приоткрыл. И замер, будто думал: «А может, не надо?»

Кот поднял уши, посмотрел на холодильник, потом на Федю — и спрыгнул с дивана так, будто решил: «С меня хватит. Я ухожу в безопасное место».

Федя остался один. В квартире, где даже бытовая техника решила, что пора высказать всё, что она думает о происходящем.

Он глубоко вздохнул, посмотрел на потолок и сказал вслух:

— Ладно. Пусть будет суд. Пусть будут акты. Пусть даже холодильник устраивает митинги. Но после этого я найду того, кто оставляет эти записки. И скажу ему: «Хватит. Я и так на грани».

Федя сидел на диване, смотрел на холодильник, который то приоткрывал дверцу, то закрывал её, будто репетировал драматический монолог, и думал: «Хуже уже не будет».

Кот, устроившийся на шкафу (потому что «на шкафу безопаснее»), смотрел на Федю с высоты, как древний оракул, который знает, что сейчас произойдёт, но не хочет расстраивать заранее.

И тут дом задрожал.

Сначала Федя подумал, что это опять холодильник решил устроить бунт. Потом — что это землетрясение. Потом — что у него просто нервы сдали.

А потом раздался звук, от которого у Феди волосы встали дыбом даже там, где их не было: низкий, утробный рёв, похожий на то, как если бы гора вдруг решила громко зевнуть.

Это был танк.

Настоящий, тяжёлый, гусеничный, с пушкой, которая смотрела прямо на балкон Фединой квартиры. И самое невероятное — он стоял не во дворе, а прямо напротив окна, будто кто-то телепортировал его на шестой этаж вместе с куском асфальта.

— Этого не может быть, — прошептал Федя.

Танк не слушал. Он ещё раз рывкнул мотором, и в этот момент входная дверь Феединой квартиры взорвалась. Не буквально, конечно, а в стиле хорошего боевика: петли вылетели, коробка треснула, и дверь эффектно рухнула внутрь, подняв облако пыли и ощущение тотальной несправедливости.

В проёме возник ОМОН. Много ОМОНа. В шлемах, с щитами, в бронежилетах, с криками: «Лечь! На пол! Не двигаться!»

За ОМОНОм в квартиру вбежала щитовая группа, потом ещё какие-то люди в форме, которых Федя не смог опознать, потому что их было слишком много и они двигались слишком быстро.

А следом, к полному изумлению Феди, в квартиру ворвались... мандалорцы. Настоящие, в характерных шлемах и плащах, с бластерами наперевес. Один из них замер, оглядел разгром, потом посмотрел на Федю и сказал голосом, искажённым динамиком шлема:

— Это он?

— Он! — уверенно ответил кто-то из ОМОНа, будто они все заранее договорились, кто кого будет подтверждать.

Федя медленно поднял руки.

— Я просто хотел дописать статью про голубей, — тихо сказал он.

— Никаких оправданий! — рявкнул командир ОМОНа. — Вы задержаны по подозрению в создании цепочки непредвиденных обстоятельств, угрожающих стабильности городской среды!

— Но я ничего не делал! — попытался возразить Федя.

— Вы поскользнулись на банановой кожуре. Этого достаточно.

Мандалорец подошёл ближе, посмотрел на Федю через визор, потом на кота, который замер на шкафу, будто превратился в статую «Кот, увидевший апокалипсис».

— У него есть сообщник, — сказал мандалорец, указывая на кота.

— Он не сообщник! — закричал Федя. — Он просто кот!

— Кот, который слишком много знает, — невозмутимо ответил мандалорец.

Пока Федю крутили, надевая на него наручники (причём наручники были какие-то особенные — с предупреждающей наклейкой «Не снимать без разрешения комиссии»), в квартиру продолжали втискиваться новые люди: представители армии, какие-то спецслужбы с непонятными нашивками, сотрудник УК «Уютный двор» с папкой («Я тут по акту!»), и даже человек в костюме голубя, который размахивал какими-то бумагами и кричал: «Я предупреждал! Они управляют светофорами!»

Федя уже не пытался ничего объяснить. Он просто смотрел на этот хаос и думал: «Если это сон, то пусть он закончится. Если не сон — пусть хотя бы дадут попрощаться с котом».

Командир ОМОНа подошёл к Феде, строго посмотрел на него и зачитал:

— Фёдор Иванович, вы имеете право хранить молчание. Всё, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде по делу о банановой кожуре и её последствиях.

Федя закрыл глаза.

— Я понял.

Его повели к выходу. По дороге он увидел, как мандарец осторожно снимает кота со шкафа, заворачивает его в специальный защитный чехол («Для транспортировки потенциально осведомлённых животных») и говорит:

— Не волнуйся, пушистый. Мы во всём разберёмся.

Кот в чехле выглядел так, будто хотел сказать: «Я просто хотел спокойно поесть свой корм. За что мне это?»

Когда Федю выводили из квартиры, он бросил последний взгляд на комнату. Холодильник в этот момент демонстративно захлопнул дверцу и будто подмигнул Феде лампочкой: «Ну вот, наконец-то порядок».

На лестничной клетке было не менеелюдно, чем в квартире. Там стояли ещё несколько бойцов, оператор с камерой («Для отчёта»), и дядя Коля с балкона, который выглядывал из своей квартиры и кричал:

— А я говорил! Он что-то замышлял! Я ещё вчера заме-

тил, что он слишком спокойно себя ведёт!

Федя хотел сказать: «Да я вообще ничего не замышлял!», но понял, что в этой ситуации слова уже не помогут.

Его вывели на улицу, где толпа зевак, журналисты и какие-то люди с плакатами «Справедливость для банановой кожуры!» встречали его как главного злодея столетия.

Рядом с танком стоял Игорь Степанович, старший специалист по нестандартным ситуациям, и делал пометки в блокноте. Увидев Федю, он кивнул, будто всё шло строго по плану.

— Ну вот, — пробормотал Федя, пока его усаживали в бронированный фургон. — Теперь точно всё.

Фургон захлопнул двери, двигатель взревел, и машина поехала, оставив позади дом, квартиру, холодильник, который наконец-то успокоился, и кота в защитном чехле, который, кажется, уже смирился со своей судьбой.

А где-то высоко в небе, среди облаков, пролетел ещё один силуэт — на этот раз это был не танк, а маленький дрон с надписью «Служба контроля за порядком». Он сделал круг над местом происшествия, сфотографировал всё, что мож-

но, и улетел, будто подтверждая: «Да, тут был хаос. Да, мы всё зафиксировали».

Зал суда выглядел так, будто его проектировали люди, которые очень хотели произвести впечатление, но немного перестарались: массивные дубовые панели, тяжёлые шторы, герб над трибуной — и при этом прямо под гербом висела табличка: «Не трогать молоточек. Он нервный».

Федю усадили на скамью подсудимых, которая подозрительно поскрипывала, будто заранее осуждала его за все грехи, включая недопитый чай. Рядом, в специальном прозрачном боксе, сидел кот — теперь он числился «важным свидетелем со склонностью к молчанию». Мандалорец стоял у стены в почётном карауле: по протоколу он был «независимым экспертом по внеземным и внутрибытовым угрозам».

В зале было полно народу. Игорь Степанович из отдела по нестандартным ситуациям сидел в первом ряду с папкой, которую держал так бережно, будто это был священный артефакт. Дядя Коля с балкона тоже каким-то образом оказался здесь — в костюме, с блокнотом и выражением лица «я же говорил».

Судья, женщина с лицом, высеченным из гранита и закалённым в тысяче заседаний, постучала молоточком (тем са-

мым, нервным) и произнесла:

— Слушается дело номер 42-Б/К: «О банановой кожуре и её последствиях для городской среды». Подсудимый — Фёдор Иванович. Встаньте.

Федя встал. Скамья вздохнула с облегчением.

— Вы понимаете, в чём вас обвиняют?

— Честно? Нет, — признался Федя.

Прокурор, подтянутый мужчина в идеально сидящем костюме, встал и начал речь с такой интонацией, будто читал приговор самой Вселенной:

— Обвинение утверждает, что банановая кожура, оказавшаяся в ненадлежащем месте, стала точкой отсчёта для цепочки событий, затронувших транспортную систему, работу коммунальных служб и даже психологическое состояние отдельных граждан.

Он сделал паузу для драматизма, потом достал из папки прозрачный пакет. В нём лежала... банановая кожура. Слегка подсохшая, но всё ещё внушительная.

— Это вещественное доказательство номер один, — торжественно произнёс прокурор.

Федя уставился на пакет.

— Она... всё ещё здесь?

— Она — основа дела, — строго ответил прокурор. — Без неё не было бы ни тележки, ни светофора, ни пробки, ни сорванного продления парковочного разрешения.

Судья постучала молоточком.

— Защита, ваше слово.

Тут произошло нечто неожиданное: из-за стола защиты поднялся... кот. Ну, не сам, конечно. Рядом с боксом стоял человек в смешном костюме с усами и пушистыми манжетами — котолог-переводчик.

— Мой подзащитный желает заявить, что он ни при чём, — сказал котолог, внимательно глядя на кота. — Он просто хотел пройти мимо.

Кот в боксе моргнул, будто подтверждая: «Да, я просто шёл по своим делам. Не надо меня втягивать».

Зал зашумел. Дядя Коля крикнул с места:

— А я видел, как он на кожуру смотрел! Подозрительно смотрел!

Судья снова постучала молоточком.

— Порядок в зале!

Мандалорец у стены кашлянул. Все посмотрели на него.

— Как независимый эксперт, — произнёс он голосом, искажённым динамиком шлема, — я должен отметить, что банановая кожура действительно может представлять угрозу, если её неправильно утилизировать. В мандалорских хрониках есть случай, когда из-за кожуры чуть не сорвалась операция по спасению принца.

В зале повисла тишина. Потом кто-то в задних рядах прошептал:

— Вот это уровень.

Игорь Степанович поднял руку, как школьник на уроке.

— Разрешите дополнить. У нас есть акт управляющей компании о ненадлежащем хранении бытовых предметов в квартире подсудимого. В частности, кружки, чайника и шкафа с перекошенной дверцей. Это свидетельствует о системном пренебрежении безопасностью.

Федя хотел возразить, но судья подняла бровь, и он решил, что лучше промолчать.

Дальше началось самое интересное. Прокурор вызвал первого свидетеля. Им оказался... холодильник Федеи.

Ну, не сам холодильник, конечно. Его представлял сотрудник сервисной службы, который принёс протокол диагностики.

— Холодильник показал признаки нестабильного поведения, — читал сотрудник по бумажке. — Периодически открывал и закрывал дверцу без команды пользователя. Есть основания полагать, что он находился под косвенным влиянием банановой кожуры через общую бытовую экосистему квартиры.

Федя закрыл лицо руками.

— Это уже слишком.

Но судья была непреклонна.

— Данные приняты к рассмотрению.

Потом вызвали «свидетеля» из приложения ЖКХ: девушку в строгом костюме, которая принесла распечатку жалоб.

— На подсудимого и его кота поступали анонимные обращения, — сказала она, сверяясь с листом. — В том числе жалоба на подозрительное поведение кота и уведомление о потенциально опасных предметах в квартире.

Дядя Коля снова подал голос:

— Я ничего не писал! Но я одобряю!

Судья посмотрела на него так, что дядя Коля тут же сделал вид, что его здесь нет.

А потом наступил самый драматичный момент: прокурор достал ещё один пакет. В нём лежал... брелок-голубь. Тот самый, что Федя видел на подоконнике в отделении полиции, а потом у себя дома.

— Этот предмет обнаружен в нескольких местах, связан-

ных с делом, — заявил прокурор. — Есть версия, что голуби координируют события. Статья Феди «Почему голуби — это не просто птицы, а городские стратеги» рассматривается как косвенное признание связи.

Федя почувствовал, что земля уходит из-под ног.

— Но это же была шутка! — воскликнул он.

— В делах такого масштаба не бывает шуток, — серьёзно ответил прокурор.

Мандалорец наклонил голову.

— Логично.

И тут кот в боксе вдруг громко мяукнул. Так громко, что даже молоточек судьи вздрогнул.

Котолог тут же перевёл:

— Он говорит: «Отпустите Федю. Я сам с ним поговорю про безопасность».

Зал хихикнул. Судья постучала молоточком, но в её глазах мелькнуло что-то подозрительно похожее на улыбку.

— Суд удаляется на совещание, — объявила она.

Когда судьи не было, в зале начался тихий хаос. Игорь Степанович подошёл к Феде.

— Знаете, Фёдор Иванович, — тихо сказал он, — в моей практике это самое сложное дело. Но вы держитесь.

— Спасибо, — мрачно ответил Федя.

Мандалорец тоже подошёл.

— Если что, я могу поручиться за вас перед Советом Мандалора. Правда, они не любят дел про кожуру. Им больше по душе космические угрозы.

Федя слабо улыбнулся.

— Ценю.

Через десять минут судья вернулась. Все замерли.

Она постучала молоточком — раз, другой, третий. И наконец произнесла:

— Учитывая беспрецедентный характер дела, сложность цепочки обстоятельств и наличие смягчающих факторов (в том числе искреннее непонимание подсудимым происходящего), суд постановляет...

Федя сжал кулаки.

— ...назначить Федеру Ивановичу обязательное прохождение курса «Безопасность в быту для ответственных граждан» и выдать памятку «Как не стать причиной непредвиденных последствий». А также предписать устранить нарушения, указанные в акте управляющей компании.

Федя моргнул.

— То есть... меня не сажают?

— Нет, — сказала судья, и на этот раз в её голосе точно была улыбка. — Но вы теперь на особом контроле.

Зал выдохнул. Дядя Коля пробормотал:

— Ну хоть так.

Мандалорец отдал Феде небольшой свиток в тубусе.

— Это рекомендательное письмо от мандалорцев. На случай, если возникнут вопросы.

Федя взял свиток, посмотрел на него, потом на мандалорца, потом на кота, который теперь выглядел так, будто был готов немедленно начать курс по безопасности.

— Пойдём домой, — сказал Федя.

Они вышли из зала. На улице было свежо, ветер гнал по тротуару обрывки бумаг, а где-то вдали снова каркнул голубь.

Федя остановился, посмотрел на небо и тихо сказал:

— Ладно. Курс я пройду. Памятку выучу. Шкафы почищу. Но статью про голубей я всё равно допишу. Просто теперь буду осторожнее с выводами.

Кот мяукнул, будто сказал: «Главное — не оставляй кожуру на полу».

Федя уже почти поверил, что кошмар закончился. Он стоял на ступенях суда, вдыхал уличный воздух, который теперь казался ему невероятно чистым — будто даже пыль в нём была «одобрена комиссией по безопасности». Кот тёрся

о его ногу, мандалорец отдал свиток и ушёл по своим галактическим делам, а Игорь Степанович, прощаясь, даже слегка улыбнулся:

— Ну, Фёдор Иванович, считайте, что легко отделались. Курс, памятка — и живите спокойно.

— Спасибо, — выдохнул Федя. — Я теперь буду ходить и смотреть под ноги. И кружки буду ставить ровно. И шкафы... ну, в общем, всё.

Игорь Степанович кивнул, будто слышал такие клятвы уже тысячу раз и знал, что они держатся ровно три дня.

— Главное — не расслабляйтесь.

И тут из зала суда донёсся звук молоточка. Чёткий, властный, такой, что даже голуби на карнизе притихли.

Федя замер.

— Это ещё не всё, — пробормотал он.

Они вернулись в зал. Там всё выглядело точно так же: дубовые панели, тяжёлые шторы, табличка «Не трогать молоточек. Он нервный». Только теперь атмосфера стала другой

— густой, как кисель, и такой, что хотелось немедленно выйти обратно, даже если на улице шёл дождь из кружек.

Судья сидела с лицом, которое больше не давало ни намёка на улыбку.

— Я должна внести уточнение к предыдущему постановлению, — произнесла она, и в зале стало тише, чем в библиотеке во время экзамена.

Федя почувствовал, как у него холодеют кончики пальцев.

— Дело в том, — продолжила судья, — что в ходе совещания выяснилось: формулировка «обязательное прохождение курса» была... шуткой.

Федя моргнул.

— Какой шуткой?

— Судебной. У нас в коллегии есть традиция: в особо сложных делах сначала объявляют мягкий вариант, чтобы подсудимый расслабился. А потом...

Она постучала молоточком. Раз. Второй. Третий.

— ...потом мы переходим к сути.

В зале кто-то хихикнул. Дядя Коля тут же сделал вид, что это не он.

Прокурор встал, поправил пиджак и зачитал:

— Учитывая беспрецедентную цепочку последствий, вызванных действиями подсудимого, а также потенциальную угрозу городской инфраструктуре, суд постановляет: признать Фёдора Ивановича виновным по всем пунктам обвинения.

Федя хотел сказать «но я же ничего не делал», но слова застряли где-то в горле.

— Наказание назначается следующее: семьдесят два пожизненных срока, отбываемые последовательно.

В зале повисла тишина. Даже кот в боксе перестал мурчать и уставился на судью так, будто пытался понять, можно ли это обжаловать через котолога.

— Семьдесят два... пожизненных? — переспросил Федя.

— Да. Каждый срок — за отдельное звено цепочки. За

кожуру. За тележку. За столб. За вывеску. За светофор. За пробку. За недоставленный пакет. За каждую мелочь, которая пошла не так.

Федя медленно опустился на скамью. Скамья скрипнула, будто сочувствовала.

— Кроме того, — продолжил прокурор, не давая Феде опомниться, — назначается штраф.

Он сделал паузу для драматического эффекта.

— В размере одного гуголплекса долларов и девяноста девяти евро.

Федя уставился на него.

— Гуголплекс... это сколько?

— Это единица с гуголом нулей, — спокойно ответил прокурор, будто объяснял, сколько ложек сахара класть в чай.

— А гугол — это сколько?

— Десять в сотой степени.

Федя попытался это представить. У него не получилось.

— То есть... я никогда не смогу его выплатить?

— Именно, — кивнул прокурор. — Это символический штраф. Он означает, что вы должны обществу бесконечно много.

Дядя Коля в зале прошептал:

— Вот это я понимаю, справедливость.

Судья постучала молоточком ещё раз.

— Приговор окончательный. Обжалованию не подлежит.

Мандалорец, который всё это время стоял у стены, тихо подошёл к Феде и сказал:

— Знаешь, даже у мандалорцев не бывает таких приговоров. Обычно мы просто говорим: «Ты нарушил кодекс — уходи и не возвращайся».

Федя посмотрел на него так, будто мандалорец был его последней надеждой.

— Может, ты меня... ну, заберёшь с собой? В космос? Там хотя бы нет штрафов в гуголплекс.

Мандалорец задумался.

— У нас строгие правила насчёт должников. Но... я могу попробовать договориться.

Кот в боксе громко мяукнул. Котолог перевёл:

— Он говорит: «Даже если Федя будет должен вечно, я всё равно буду его ждать. Но пусть сначала починит шкаф».

Зал снова зашумел. Судья постучала молоточком, но на этот раз в её взгляде мелькнуло что-то подозрительно похожее на сочувствие.

— Подсудимого взять под стражу, — скомандовала она.

К Феде подошли конвоиры — солидные, спокойные, такие, что казалось, они уже сто раз слышали «да вы шутите» и давно перестали на это реагировать.

Когда его вели к выходу, мимо пронёсся сотрудник УК «Уютный двор» с папкой.

— Не забудьте, Фёдор Иванович, — крикнул он, — акт о ненадлежащем хранении предметов всё ещё в силе! Даже в тюрьме нужно соблюдать правила безопасности!

Федя не ответил. Он просто шёл, чувствуя, как реальность окончательно ускользает из рук, как та самая банановая кожура, с которой всё и началось.

На улице его ждал бронированный фургон. Рядом стоял Игорь Степанович.

— Знаете, Фёдор Иванович, — тихо сказал он, — я ведь правда думал, что вам дадут курс и памятку. Я даже сам эту формулировку предлагал.

— Почему тогда не дали? — глухо спросил Федя.

— Потому что в протоколе было написано: «шутка коллегии». А шутки коллегии — это серьёзно.

Федя кивнул. Ему уже не хотелось спорить.

Его усадили в фургон, двери захлопнулись, и машина поехала. За окном мелькали дома, деревья, голуби... и казалось, что каждый из них смотрит на Федю с каким-то особенным выражением: «Ну вот, теперь ты понял, кто тут глав-

ный».

А где-то высоко в небе, среди облаков, снова мелькнул дрон с надписью «Служба контроля за порядком». Он сделал круг над фургоном, сфотографировал его, будто фиксируя: «Да, справедливость восторжествовала. Даже если она немного странная».

Тюремный быт и его типичные будни.

Фургон ехал долго. Или Феде так казалось — время в бро-нированной коробке тянулось, как жвачка, которую кто-то упорно отлеплял от подошвы. За окнами мелькали пейзажи, подозрительно похожие друг на друга: одинаковые столбы, одинаковые заборы, одинаковые голуби, которые провожали фургон взглядами, будто знали, куда везут Федю.

Наконец машина остановилась. Двери распахнулись, и Федя увидел перед собой не мрачную бетонную крепость с колючей проволокой, а... здание, которое выглядело как гибрид торгового центра, санатория и офиса управляющей компании. На фасаде красовалась вывеска: «Исправительное учреждение № 42 „Бытовой порядок“». Под ней мелким шрифтом было приписано: «Соблюдайте тишину, не трогайте кнопки без разрешения и не пытайтесь спорить с турникетом — он нервный».

Конвоиры вывели Федю, провели через тот самый «нервный» турникет (он пискнул, будто обиделся, что Федя не поздоровался), и дальше начался ритуал приёма.

— Паспорт, ключи, телефон, ремень, шнурки, чувство юмора, — перечислил дежурный надзиратель, протягивая пластиковый лоток.

Федя вздохнул и начал выкладывать. Когда дело дошло до чувства юмора, он на секунду задумался.

— Его можно оставить? Оно мне пригодится.

Надзиратель посмотрел на него так, будто Федя только что попытался сдать в камеру живого хомяка.

— Нельзя. Здесь все равны. И без юмора спокойнее.

Федю переодели в робу с надписью «Осуждённый. Соблюдаю дистанцию» и повели по коридору, который был оформлен в стиле «уютный минимализм»: светло-серые стены, таблички «Не опираться», «Не прислоняться», «Даже не думайте садиться на пол без разрешения».

— Добро пожаловать в сектор «Мелкие, но системные», — сказал надзиратель, открывая дверь в общий блок. — Тут у нас те, кто не просто ошибся, а сделал это с размахом.

Блок оказался большим помещением, где на одинаковых койках сидели, стояли или задумчиво смотрели в стену лю-

ди, чьи «преступления» выглядели до смешного обыденными — и оттого ещё более абсурдными.

В углу сидел мужчина в очках, который нервно теребил край одеяла.

— Я всего лишь неправильно закрыл почтовый ящик, — тихо бормотал он. — Он щёлкнул не так. А потом из него выпали все квитанции, разлетелись по двору, и началась цепная реакция...

На соседней койке, скрестив руки, сидела женщина с гордым и одновременно усталым видом.

— Меня посадили за зонтик, — заявила она, едва Федя подошёл ближе. — Я его раскрыла в толпе. Всего на секунду! А он зацепился за рюкзак курьера, курьер врезался в тележку с пирожками, пирожки разлетелись, и кто-то поскользнулся на вишнёвой начинке. Это признали угрозой общественному порядку.

Федя кивнул, будто это было самое логичное объяснение в мире.

— А я — за банановую кожуру, — признался он.

Женщина посмотрела на него с уважением.

— Серьёзный уровень. Это уже не бытовая случайность, это почти искусство.

Тут к ним подошёл ещё один заключённый — рослый парень с добрым лицом и глазами человека, который уже смирился с абсурдом.

— Привет. Я Витя. У меня срок за то, что я случайно нажал «Печать» на принтере в МФЦ, когда там стояла очередь из ста человек. Принтер выдал сто копий одной и той же формы. С тех пор меня считают организатором бумажной эпидемии.

Федя сел на свою койку, которая тут же скрипнула, будто хотела предупредить: «Не привыкай. Тут никто не задерживается надолго... ну, кроме тех, у кого семьдесят два пожизненных».

Вечером в блоке включили «воспитательный ролик». На экране появился бодрый ведущий в костюме, который улыбался так, будто знал какой-то очень хороший секрет.

— Дорогие осуждённые! Сегодня мы поговорим о том, как правильно открывать дверь, чтобы не спровоцировать

колебания воздуха, способные повлиять на работу соседних зданий.

Федя закрыл глаза.

— Это не сон, — прошептал он.

— Привыкай, — тихо сказал Витя. — Тут даже чай наливают по инструкции.

И правда: на следующее утро завтрак приносили строго по регламенту. Кашу — в контейнере с крышкой, которую нужно было открывать под углом не более 30 градусов, чтобы брызги не попали на соседа. Чай — в кружке с двойной стенкой и наклейкой «Не трясги. Возможны последствия».

После завтрака всех выстроили на плацу для утреннего построения. Надзиратели стояли в ряд, серьёзные, собранные, будто готовились объявить о начале войны, а не о расписании уборки коридоров.

Старший надзиратель поднял планшет, прокашлялся и зачитал:

— Сегодня у нас день профилактики непредвиденных обстоятельств. План такой: сначала инструктаж по безопасно-

му использованию ложки, потом лекция «Как не стать причиной сквозняка», потом трудотерапия.

— Какая трудотерапия? — спросил кто-то из толпы.

— Будем сортировать бумажки. Те, что уже подписаны, и те, которые ещё предстоит подписать.

По рядам пробежал тихий стон.

А потом началось самое странное. В блок привели... кота. Не любого кота, а того самого — Фединого. Он шёл между двумя надзирателями, гордо подняв хвост, будто понимал, что сейчас происходит что-то важное, и он тут не просто так.

Когда кота подвели к Феде, тот чуть не расплакался от радости.

— Ты как здесь?!

Кот мяукнул, будто хотел сказать: «Меня признали потенциально осведомлённым. Пришлось пройти собеседование».

Надзиратель протянул Феде папку.

— Вот. Правила совместного содержания осуждённых и

потенциально осведомлённых животных. Подпишите, что ознакомлены.

Федя подписал, не глядя.

— И ещё, — добавил надзиратель, — кот теперь официально числится вашим напарником по исправлению. Если вы нарушите режим, отвечать будете оба.

Кот посмотрел на Федю так, будто говорил: «Ты только не вздумай опять поскользнуться».

Днём была лекция. Читал её Игорь Степанович — тот самый старший специалист по нестандартным ситуациям. Он стоял у доски с мелом и говорил так, будто объяснял теорию относительности, а не правила обращения с бытовыми предметами.

— Помните: даже чашка — это потенциальный источник цепочки событий. Она может упасть, разбиться, осколок может поранить ногу, нога может захромать, хромота может привести к тому, что вы не успеете на автобус, автобус уедет без вас, а в автобусе — человек, которому вы должны были передать важную записку...

Федя слушал и думал: «Раньше я просто жил. Теперь я —

звено в цепи катастроф».

После лекции была трудотерапия. Феде и Вите выдали по стопке бумаг и сказали:

— Ваша задача — проверить, все ли подписи на месте, и если нет — найти тех, кто должен подписать, и попросить их это сделать.

Витя вздохнул.

— Знаешь, что самое страшное? Тут нет ни одной бумаги, которая не порождала бы ещё десять таких же.

Они начали проверять. На третьей странице Витя замер.

— Смотри, — прошептал он, показывая Феде строчку. — Тут написано: «Подпись отсутствует. Причина: сотрудник, ответственный за подпись, находится на совещании по вопросу отсутствия подписей».

Федя посмотрел на эту строчку, потом на Витю, потом на потолок, будто надеялся увидеть там инструкцию «Что делать, если мир сошёл с ума».

— Мы никогда отсюда не выйдем, — сказал он.

— Не обязательно, — возразил Витя. — Иногда выпускают досрочно. За особые успехи в сортировке бумаг.

К вечеру Федя чувствовал себя так, будто прожил десять жизней — и все они состояли из подписей, печатей и предупреждений «Осторожно: пол может быть скользким».

Он сел на койку, обнял кота и тихо сказал:

— Знаешь, я ведь просто хотел дописать статью про голубей.

Кот уткнулся носом ему в ладонь и тихонько замурчал.

— Главное, — пробормотал Федя, — чтобы завтра не оказалось, что статья про голубей — это тоже нарушение режима. Вдруг голуби считаются «потенциальными координаторами непредвиденных обстоятельств»?

В этот момент надзиратель прошёл по блоку и выключил свет.

— Отбой. Завтра будет новый день. И новые бумаги.

Федя лёг, уставился в темноту и подумал: «Если это нака-

зание, то оно сработало. Я больше никогда не буду ничего трогать. Вообще ничего. Пусть мир крутится сам».

Но где-то в глубине коридора снова щёлкнул турникет. Тихо, ехидно, будто шептал: «Ага. Ты так думаешь».

Утро в «Исправительном учреждении № 42 „Бытовой порядок“» начиналось не с петухов — тут вообще не держали ничего живого, что могло бы действовать без регламента, — а с объявления по громкой связи. Голос был бодрый, но строгий, будто его владелец всю жизнь тренировался звучать одновременно ободряюще и угрожающе:

— Внимание, осуждённые! Начинаем день с проверки личных вещей на предмет потенциальной опасности. Просьба не сопротивляться осмотру ложек.

Федя уже почти привык к этой реальности. Он сидел на своей койке, обнимал кота (которому официально разрешили находиться рядом, но строго-настрого запретили «использовать хвост как рычаг влияния на окружающих») и думал, что хуже быть уже не может.

И тут в блок ввели новенького.

Это был невысокий мужчина в очках, с таким видом, буд-

то он сам до сих пор не верил, что здесь оказался. Его вели два надзирателя, причём один из них держал планшет, а второй — как будто на всякий случай — держал дистанцию.

— Располагайтесь в зоне для вновь прибывших, — сказал надзиратель, указывая на свободную койку неподалёку от Феди. — Сейчас оформим, подпишете, ознакомитесь, подтвердите, согласуете, утвердите и ещё раз подпишете.

Новенький кивнул, сел на койку, глубоко вздохнул и вдруг тихо, но отчётливо произнёс:

— Я тут за то, что слишком громко чихнул в библиотеке.

В блоке повисла тишина. Даже кот перестал мурчать и повернул голову, будто хотел переспросить: «Что, простите?»

Витя, который как раз раскладывал по стопкам бумаги (потому что сортировка бумаг была тут чем-то вроде физкультуры), замер с пачкой листов в руках.

— В библиотеке? — уточнил он.

— Да. В читальном зале. Там была абсолютная тишина. Все писали рефераты. И тут я... чихнул. Громко.

Витя медленно опустил бумаги.

— И что?

— Эхо пошло по залу. От эха дрогнула полка. От дрожания полки упала одна книга. От падения книги вздрогнула библиотекарь. От её вздоха сработал датчик движения. От датчика движения включилась система вентиляции. От вентиляции потянуло сквозняком. А от сквозняка разлетелись все рефераты.

Федя уставился на него.

— То есть... ты вызвал бумажный шторм?

— Именно, — грустно кивнул новенький. — Меня признали источником цепной реакции в замкнутом пространстве с повышенными требованиями к тишине.

Витя посмотрел на Федю, потом на новенького, потом снова на Федю.

— Знаешь, по сравнению с этим моя «бумажная эпидемия» выглядит почти прилично.

— А я — за банановую кожуру, — сказал Федя, будто

представляясь на групповом сеансе терапии.

Новенький посмотрел на него с уважением.

— Серьёзный уровень. Это уже не акустика, это физика.

Кот подошёл, понюхал новенького, фыркнул, будто решил, что пахнет он «как все тут — бумагой и тревогой», и вернулся к Феде.

— Как тебя зовут? — спросил Витя.

— Сергей Петрович. Но можно просто Сергей.

— Добро пожаловать в клуб тех, кто не хотел ничего плохого, — сказал Витя. — У нас тут своя иерархия. Есть те, кто начал с мелочи и раскрутил до катастрофы, есть те, кто просто оказался не в том месте не в то время... и есть Федя, у которого семьдесят два пожизненных.

Сергей Петрович посмотрел на Федю так, будто увидел героя легенды.

— Семьдесят два?

— По одному за каждое звено цепи, — пояснил Федя.

— Впечатляет.

Тут в блок зашёл Игорь Степанович — тот самый старший специалист по нестандартным ситуациям. Сегодня он был в другой рубашке, но с тем же выражением лица «я видел всё, и это тоже было в методичке».

— Доброе утро, осуждённые, — сказал он, открывая планшет. — Сегодня у нас особое занятие. Мы будем разбирать реальные случаи возникновения непредвиденных обстоятельств. В качестве примера возьмём...

Он сделал паузу. Все напряглись.

— ...случай Сергея Петровича.

Сергей Петрович побледнел.

— Мой чих?

— Да. Это прекрасный пример того, как одно неосторожное действие в чувствительной среде может привести к масштабным последствиям.

Витя наклонился к Феде и прошептал:

— Чувствительная среда — это библиотека?

— Видимо, да. Тут всё чувствительное. Даже турникет нервничает.

Игорь Степанович тем временем продолжал:

— Мы разберём акустику помещения, влияние вибраций на книжные полки, реакцию персонала и автоматизированных систем...

Пока он говорил, кот вдруг встал, потянулся, подошёл к доске, на которой Игорь Степанович рисовал схему «цепной реакции чиха», и аккуратно лапой стёр одну стрелочку.

Все замерли.

Игорь Степанович посмотрел на кота, потом на стёртую стрелочку, потом снова на кота.

— Это... вмешательство в учебный процесс, — строго сказал он.

Кот посмотрел на него, будто хотел сказать: «А ты докажи».

Надзиратель кашлянул.

— У нас есть правила насчёт стирания схем. Это считается потенциально опасным действием.

Федя быстро взял кота на руки.

— Он больше не будет. Честно.

Кот фыркнул, но не сопротивлялся.

После занятия всех снова отправили на трудотерапию — сортировать бумаги. Теперь их было втрое больше: добавились документы по делу Сергея Петровича, акты о проверке полок в библиотеке и протоколы опроса свидетелей («Да, он чихнул. Да, было громко. Да, я вздрогнул. Да, мой реферат улетел. Да, это повлияло на мою успеваемость»).

Федя сидел, перебирал листы и думал: «Раньше я боялся потерять ключи. Теперь я боюсь потерять подпись на нужной странице».

К обеду в блоке стало как-то особенно тихо. Не потому, что все молчали, а потому, что тишина тут была не просто тишиной, а регламентированной. Будто сама атмосфера

знала, что если кто-то чихнёт, засмеётся или даже слишком громко вздохнёт — тут же появится новая папка с надписью «Инцидент».

И вдруг...

Чих.

Тихий, почти виноватый, но всё-таки — чих.

Все повернули головы. Сергей Петрович покраснел.

— Простите, — прошептал он. — Не удержался.

Надзиратель, который как раз проходил мимо, замер. Потом медленно достал планшет.

— Фиксирую внеплановое акустическое событие в секторе «Мелкие, но системные», — пробормотал он, водя пальцем по экрану.

Витя закрыл лицо руками.

— Нет. Только не это.

Федя посмотрел на Сергея Петровича и вдруг понял: он

не злится. Он даже не раздражён. Он... сочувствует.

— Ничего, — сказал он. — Тут все мы такие. Кто-то чихнул, кто-то поскользнулся, кто-то нажал не ту кнопку. А потом мир решил, что мы — угроза порядку.

Сергей Петрович слабо улыбнулся.

— Спасибо. Хоть кто-то не смотрит на меня как на стихийное бедствие.

Кот, который всё это время сидел у Феди на коленях, вдруг мяукнул. Котолог, который сегодня дежурил в блоке, тут же подошёл и перевёл:

— Он говорит: «Если опять начнётся бумажная буря, я первый убегу под кровать. Но я буду ждать вас там».

В этот момент по громкой связи снова раздался голос:

— Внимание! В секторе «Мелкие, но системные» зафиксировано внеплановое акустическое событие. Просьба всем оставаться на местах. Сейчас подойдёт комиссия по оценке последствий.

Витя тихо простонал.

— Вот видишь? Даже чихнуть нельзя.

Федя вздохнул, обнял кота и подумал: «Ладно. Пусть будет комиссия. Пусть будут бумаги. Пусть даже добавят ещё одно пожизненное. Но я не буду стыдиться того, что я обычный человек, который иногда чихает, иногда поскальзывается и просто хочет спокойно дописать статью про голубей».

А где-то в коридоре снова щёлкнул турникет. Тихо, ехидно, будто шептал: «Мы следим. Мы всё фиксируем. И мы знаем, что ты думаешь про голубей».

Федя, Витя и Сергей Петрович сидели над пачками бумаг, будто это были не акты и протоколы, а древние свитки, в которых зашифровано спасение мира. Или хотя бы один выходной.

— Тут есть пункт «О недопустимости чрезмерного моргания вблизи копировальной техники», — прочитал Витя и поднял глаза. — Это серьёзно?

— Абсолютно, — буркнул надзиратель, проходя мимо с планшетом. — Копир чувствителен к ритму света.

Сергей Петрович вздохнул и перевернул ещё одну стра-

ницу. И вдруг замер. Его пальцы дрогнули, очки сползли на кончик носа, а лицо приняло такое выражение, будто он только что нашёл карту сокровищ... или инструкцию, как выбраться из тюрьмы, не подписывая ничего лишнего.

— Ребята, — прошептал он, наклоняясь ближе к Феде и Вите. — Тут... тут всё не то, чем кажется.

— В смысле? — переспросил Витя. — Ты нашёл ещё один запрет? Например, «не думать слишком громко»?

— Нет. Тут написано... «Учебный полигон № 42 для стажёров управляющей компании „Уютный двор“».

Федя моргнул.

— Что?

— Вот, смотрите! — Сергей Петрович ткнул пальцем в строчку, напечатанную мелким шрифтом где-то в самом низу акта о «потенциальной опасности бытовых предметов». — «Настоящий документ является учебным пособием для отработки навыков составления актов у стажёров 3-го семестра».

Витя выхватил бумагу, вчитался, потом посмотрел на

Сергея Петровича, потом на Федю, потом снова на бумагу.

— То есть... нас посадили... ради практики?

— Не посадили, — поправил Сергей Петрович, понизив голос до шёпота, чтобы даже стены не подслушали. — Нас... тренируют.

Федя почувствовал, как абсурд вокруг него внезапно стал не просто абсурдом, а абсурдом с методичкой.

— Получается, банановая кожура, чих в библиотеке, печать ста копий... всё это было...

— ...контрольной работой, — закончил Витя, и в его голосе прозвучало странное сочетание обиды и восхищения. — Нас использовали как примеры для зачёта.

Кот, который до этого момента делал вид, что он тут просто для уюта, вдруг вскочил на стол, лапой подтолкнул к Феде ещё одну бумагу и мяукнул.

— Он что, тоже в деле? — спросил Витя.

Котолог, который как раз проходил мимо, заглянул через плечо.

— Судя по интонации, он говорит: «А меня вообще включили как кейс „животное в зоне повышенного внимания“». Это несправедливо. Я просто хотел корма».

Федя взял бумагу, которую подтолкнул кот. На ней красовалась печать «Для внутреннего пользования» и заголовок: «Сценарий учебной ситуации: „Цепная реакция от бытового предмета“ (уровень сложности — „кошмар куратора“)».

— Уровень сложности «кошмар куратора»... — повторил Федя, чувствуя, как в груди начинает подниматься не отчаяние, а что-то подозрительно похожее на возмущение. — То есть они специально всё это придумали?

— И разыграли, — кивнул Сергей Петрович. — Даже судью. Даже мандалорца. Даже гуголплекс долларов.

Витя вдруг расхохотался. Не истерически, а так, будто наконец-то понял шутку, над которой смеялся весь мир, а он только сейчас догнал.

— Ну, это уже высший пилотаж! Посадить людей, чтобы стажёры учились писать акты! Да тут не тюрьма, тут... университет абсурда!

В этот момент в блок зашёл Игорь Степанович. Он выглядел как человек, который только что проверил все контрольные и теперь должен объявить оценки.

— Так, осуждённые, — бодро начал он, но, увидев выражения лиц Феди, Вити и Сергея Петровича, слегка запнулся. — Что-то не так?

— Всё так, — спокойно ответил Федя, кладя перед ним бумагу с пометкой «учебный полигон». — Только мы тут не осуждённые. Мы... экзаменационные задания.

Игорь Степанович побледнел. Потом покраснел. Потом снова побледнел, будто пытался подобрать цвет, подходящий к ситуации.

— Э-э... это... — пробормотал он.

— Это стажировка, — сказал Витя, широко улыбаясь. — Мы всё поняли.

— И мы хотим зачёт автоматом, — добавил Сергей Петрович с таким видом, будто это самое логичное требование на свете.

Игорь Степанович открыл рот, закрыл, снова открыл... и

вдруг махнул рукой.

— Ладно. Вы меня поймали. Это действительно учебный полигон. Мы тренируем стажёров составлять акты, прогнозировать последствия и... ну, в общем, учиться не паниковать, когда кто-то чихнул в библиотеке.

Федя посмотрел на него.

— А семьдесят два пожизненных?

— Шаблонный пункт. Его вставляют во все сценарии «максимальной серьёзности».

— А гуголплекс?

— Тоже шаблон. Никто не собирается его взыскивать. Честно.

Кот сел, посмотрел на Игоря Степановича и громко мяукнул. Котолог вздохнул и перевёл:

— Он говорит: «Тогда верните мне право спокойно есть корм без протокола „наблюдение за приёмом пищи“».

Игорь Степанович снова махнул рукой:

— Хорошо. Отменяю все протоколы по коту. И... в качестве компенсации...

Он достал из кармана три маленькие карточки и протянул их Феде, Вите и Сергею Петровичу.

— Это купоны на один бесплатный чай в столовой без инструкции «как правильно держать кружку».

Витя взял купон, посмотрел на него, потом на Игоря Степановича, потом на остальных.

— Знаете, а это почти как свобода.

— Почти, — согласился Федя. — Но я всё равно хочу, чтобы про меня больше не писали акты.

— Договорились, — кивнул Игорь Степанович. — Вы свободны. И... если вдруг увидите стажёра с папкой и слишком решительным взглядом — просто улыбнитесь и идите дальше. Они и так нервничают.

Когда их выводили из блока, кот шёл гордо, будто знал, что выиграл не просто свободу, а моральную победу над бюрократией.

На выходе Федя остановился, повернулся к Игорю Степановичу и спросил:

— А статья про голубей... она всё ещё считается потенциально опасной?

Игорь Степанович на секунду задумался.

— Давайте сделаем так: вы её допишете. Но... без выводов о координации светофоров. Ладно?

Федя улыбнулся.

— Без выводов. Обещаю.

Они вышли на улицу. Воздух пах не бумагой и регламентами, а пылью, бензином и свободой. Где-то каркнул голубь. Федя посмотрел на него и подумал: «Ну, хоть ты не пищешь на меня акты».

Кот боднул его в ладонь, будто говоря: «Пойдём. Нам ещё чай по купонам получать».

И они пошли.

Едва Федя, Витя и Сергей Петрович успели обрадоваться, что их не будут больше судить за бытовые мелочи, как по громкой связи снова раздался бодрый, но строгий голос:

— Внимание, осуждённые! В связи с сезонным дефицитом опылителей и необходимостью поддержания цветочной популяции на территории учреждения объявляется дополнительная трудотерапия. Сегодня вы работаете... бабочками и пчёлами.

В блоке повисла тишина. Даже кот перестал мурчать и уставился на динамик, будто пытался понять: это шутка или у них теперь новая профессия.

Витя первым нарушил молчание:

— Простите, а как именно мы будем работать... пчёлами?

Надзиратель, который как раз проходил мимо, невозмутимо протянул каждому по коробке.

— Вот. Комплекты.

Федя открыл свою коробку и замер. Внутри лежали: полосатая футболка, пушистые гетры, пластиковые крылья на резинке и... маска с хоботком.

— Это... костюм пчелы? — осторожно уточнил он.

— Костюм «условно-пчелиный», — поправил надзиратель. — По регламенту нельзя использовать настоящие жала, а также вызывать у граждан панику фразой «Мы роем!».

Сергей Петрович достал крылья бабочки — огромные, ярко-оранжевые, с подозрительным узором, который подозрительно напоминал «Осторожно: скользкий пол».

— А я тогда кто?

— Вы — бабочка-опылитель категории «лёгкая турбулентность». Ваша задача — порхать и переносить пыльцу. Без резких манёвров.

Кот посмотрел на всё это великолепие, фыркнул и демонстративно отвернулся. Котолог, который дежурил поблизости, вздохнул и перевёл:

— Он говорит: «Я не надеваю крылья. Я не буду „порхать“. Я буду наблюдать. И, возможно, ловить тех, кто упадёт».

Их вывели на внутренний двор, который раньше казался

просто унылым, а теперь выглядел как клумба, решившая доказать, что она — главный герой ботанического триллера: цветы росли густо, ярко и как будто с вызовом.

Игорь Степанович стоял посреди клумбы с планшетом и давал вводный инструктаж:

— Ваша задача — опылять. Бабочки, вы порхаете между цветами, задеваете лепестки, переносите пыльцу. Пчёлы, вы собираете нектар в специальные пробирки и тоже обеспечиваете перекрёстное опыление. Главное — не путать цветы с едой, не пугать растения и не устраивать роевое поведение.

Витя натянул полосатую футболку, поправил гетры и посмотрел на себя.

— Чувствую себя как человек, который слишком сильно хотел быть полезным.

— Зато стильно, — подбодрил его Сергей Петрович, пытаясь закрепить крылья так, чтобы они не задевали лампочки.

Федя надел маску с хоботком, и тут выяснилось, что через неё почти ничего не видно.

— Я ничего не вижу! — пожаловался он.

— Это для концентрации на задаче, — невозмутимо ответил Игорь Степанович. — Меньше отвлекаетесь на реальность — лучше опыляете.

И работа началась.

Сергей Петрович, стараясь выглядеть как благородная бабочка, а не как человек в самодельном костюме, осторожно подлетал к цветкам, касался их крыльями, делал изящный разворот — и тут же врезался в табличку «Не топтать газон».

— Извините, — пробормотал он, отряхиваясь. — Лёгкая турбулентность.

Витя, изображая трудолюбивую пчелу, ползал между кустами, собирал «нектар» в пробирку и ворчал:

— В детстве я хотел быть космонавтом. А теперь я — пчела с пробиркой и чувством глубокого недоумения.

Федя пытался одновременно быть пчёлкой и не споткнуться о собственные ноги. В какой-то момент он слишком резко наклонился к ромашке, потерял равновесие и рух-

нул прямо в клумбу.

— Всё в порядке! — крикнул он из зарослей, пытаясь выбраться. — Я не уничтожаю цветы! Я... интегрируюсь!

Над клумбой кружил дрон с надписью «Служба контроля за порядком». Он сделал пару снимков, будто фиксировал: «Да, они действительно работают пчёлами. Нет, это не арт-перформанс».

Кот, который остался на скамейке, смотрел на это шоу с видом философа, который давно понял, что люди — странные существа, но всё равно их любит.

К середине «рабочей смены» у всех выработалась своя тактика.

Сергей Петрович научился делать плавные заходы на цветы, избегая табличек. Витя придумал систему: он помечал уже «опылённые» растения маленькими стикерами «Проверено: пыльца есть». А Федя, смирившись с плохой видимостью в маске, просто двигался на ощупь и доверял интуиции.

— Главное, — бормотал он, нащупывая очередной цветок, — не перепутать ромашку с одуванчиком. Иначе это будет уже не опыление, а саботаж.

Тут над клумбой раздался новый голос — на этот раз женский и очень деловой:

— Стоп. Все замерли.

Это была начальница отдела озеленения — строгая женщина в панаме и с планшетом, от которого, казалось, даже цветы слегка съёживались.

— У вас неправильная техника опыления, — заявила она, глядя на группу «насекомых» поверх очков. — Бабочка, вы слишком много думаете перед тем, как сесть на цветок. Бабочка не думает. Бабочка летит.

Сергей Петрович покраснел.

— Я стараюсь быть аккуратным.

— Аккуратность — это когда вы не ломаете стебли. А думать не надо.

Потом она повернулась к Вите:

— Пчела, вы маркируете растения. Это не инвентаризация. Это опыление.

— Но так надёжнее, — возразил Витя.

— Надёжнее — это когда пчёлы не ведут документооборот.

Наконец, она посмотрела на Федю, который всё ещё наполовину торчал из кустов.

— И вы... вы что делаете?

— Ищу нектар методом погружения, — честно ответил Федя.

Начальница вздохнула, будто ей каждый день приходилось объяснять пчёлам, как быть пчёлами.

— Ладно. Давайте заново. Сейчас я покажу правильную технику.

Она подошла к цветку, сделала плавное движение рукой — и тут кот, который до этого момента спокойно сидел на скамейке, вдруг сорвался с места, прыгнул на клумбу, промчался сквозь кусты, распугал всех «пчёл» и «бабочек», сбил с начальницы панаму и исчез за углом.

Наступила тишина.

Все смотрели на пустую клумбу, на разбросанные крылья, на пробирки с нектаром, на Федю, который пытался выбрать-ся из зарослей, и на начальницу, которая держала в руке панаму и выглядела так, будто только что поняла: иногда лучший опылитель — это кот, который вообще не хочет быть опылителем.

— Ну, — наконец сказала она, надевая панаму обратно, — зато пыльца точно разлетелась.

Игорь Степанович подошёл, почесал затылок и пробормотал:

— Зачтём как «массовое опыление методом внезапного вмешательства».

Когда их наконец отпустили, все трое — Федя, Витя и Сергей Петрович — сбросили костюмы, сели на скамейку рядом с котом и просто сидели, глядя на клумбу, которая теперь выглядела так, будто пережила небольшой, но очень целеустремлённый ураган.

— Знаете, — сказал Витя, потирая плечо, — я теперь понимаю пчёл. Они работают, работают, а потом просто хотят

полететь куда-нибудь, где нет инструкций.

— И где не надо объяснять, почему ты чихнул в библиотеке, — добавил Сергей Петрович.

Федя обнял кота, который тут же замурчал, будто говорил: «Я же говорил: никаких крыльев. Просто иди и делай, что можешь».

А где-то высоко в небе снова мелькнул дрон. Он сделал ещё один снимок, будто хотел сохранить этот момент для истории: «День, когда люди работали пчёлами и бабочками, а победил кот».

Когда пыль от «насекомьей» трудотерапии улеглась, а костюмы пчёл и бабочек унесли в подсобку (где, по слухам, они теперь числились как «спецсредства повышенной абсурдности»), во дворе наступила та самая тишина, которая бывает только перед чем-то грандиозным. Или перед тем, как кто-то снова чихнёт.

И тут из клумбы раздался звук — не шелест, не треск, а такой уверенный, будто сама земля сказала: «Хватит притворяться обычной клумбой».

Цветок вырос. Не просто вырос — он вымахнул за счита-

ные минуты так, что стал выше турникета, шире скамейки и настолько внушительным, что даже табличка «Не трогать» рядом с ним побледнела и как будто попыталась отойти в сторону.

Лепестки у него были перламутровые, с переливами всех оттенков бюрократии: от светло-серого «на согласовании» до тёмно-зелёного «утверждено». А в центре, где у нормальных цветов бывает пыльца, у этого висел маленький светящийся экранчик с лаконичной надписью: «Жду распоряжения».

Начальница отдела озеленения, которая шла мимо с планшетом в одной руке и паникой в глазах, остановилась, посмотрела на цветок, потом на планшет, потом снова на цветок и тихо сказала:

— Это не по плану.

Игорь Степанович подошёл, осторожно ткнул пальцем в лепесток. Лепесток не шелохнулся, зато экранчик мигнул и выдал: «Контакт зафиксирован. Ожидаю задачи».

— Он... реагирует, — прошептал Витя.

— И ещё как, — мрачно подтвердила начальница. — Это

уже не озеленение. Это... координация.

Тут цветок слегка наклонился — не угрожающе, а так, будто хотел лучше рассмотреть собравшихся. И вдруг из его сердцевины раздался голос. Спокойный, размеренный и до жути официальный:

— Внимание. Я — Цветок-Координатор модели «Флора-42». В связи с успешным завершением этапа опыления мною принято решение о расширении полномочий. Назначаю себя ответственным за внутренний порядок сектора «Мелкие, но системные».

В воздухе повисла тишина. Даже голуби на заборе притихли, будто понимали: сейчас решается судьба двора.

Сергей Петрович поправил очки и очень вежливо спросил:

— Простите, а... кто вас назначил?

— Я сам себя назначил, — ответил Цветок-Координатор. — На основании высокой эффективности и полного соответствия регламенту по яркости окраски.

Надзиратель, стоявший рядом, машинально отдал честь,

потом спохватился, опустил руку и пробормотал:

— Так точно... то есть... я не...

Кот, который до этого момента делал вид, что он тут просто мимо проходил, подошёл, обнюхал основание стебля, фыркнул и сел, сложив лапы, будто говорил: «Ну вот. Теперь у нас ещё и говорящий цветок. Отлично».

Цветок тем временем продолжил:

— Мои первые распоряжения:

1. Турникету быть спокойнее.
 2. Всем сотрудникам и осуждённым пройти экспресс-инструктаж «Как не стать причиной колебаний воздуха».
 3. Назначить кота главным контролёром за исполнением
- у него правильная мимика.

Кот посмотрел на это распоряжение, потом на Федю, потом снова на Цветок и громко мяукнул. Котолог, дежуривший поблизости, вздохнул и перевёл:

— Он говорит: «Я согласен, но зарплата — тунцом. И без бумажной волокиты».

Федя шагнул вперёд.

— Послушайте, — сказал он Цветку, — мы тут уже и так наопылялись. Может, вы просто будете... ну, цвести? Тихо, мирно, без распоряжений?

Цветок слегка покачулся, будто задумался. Экранчик моргнул, и на нём появилась надпись: «Анализ: предложение имеет низкую степень соответствия регламенту. Рекомендация: продолжить координацию».

— Вот видите, — вздохнула начальница. — Он не умеет «просто цвести». Он умеет только «координировать».

Тут из-за угла выбежал стажёр — тот самый, с папкой и слишком решительным взглядом. Он замер при виде гигантского цветка, потом быстро открыл папку, достал бланк и начал заполнять дрожащей рукой:

— «Инцидент №... э-э... 999. Появление объекта с признаками самоорганизации и повышенной исполнительной дисциплиной...»

Цветок наклонился к стажеру и произнёс:

— Ваш почерк нечитаем. Рекомендую использовать электронный документооборот.

Стажёр побледнел, уронил ручку и тихо прошептал:

— Меня за это не аттестуют...

Витя подошёл к Цветку и сказал:

— Знаете, вы очень... старательный. Но тут и без вас порядка столько, что уже дышать тяжело. Давайте вы будете отвечать только за цветы? Ну, чтобы они росли, пахли... и не издавали приказов.

Цветок снова замер. Экранчик мигнул, потом выдал: «Принято. Пересматриваю зону ответственности. Остаюсь ответственным за флору. Без расширения полномочий».

Все выдохнули. Даже турникет как будто перестал нервно щёлкать.

— Спасибо, — сказал Федя.

— Пожалуйста, — ответил Цветок. — Но напоминаю: завтра в 8:00 — плановая проверка лепестков. Присутствие обязательно.

Начальница кивнула, будто это была самая обычная фраза

на свете.

— Занесём в график.

После этого всех развели по секторам, а Федя, Витя и Сергей Петрович наконец-то смогли присесть на скамейку рядом с котом. Кот тут же положил голову Феде на колено и замурчал.

— Знаешь, — сказал Витя, — я думал, хуже, чем быть пчёлкой с пробиркой, ничего не бывает.

— А оказалось, — подхватил Сергей Петрович, — бывает. Бывает быть свидетелем того, как цветок берёт власть над двором.

Федя улыбнулся.

— Зато теперь я точно знаю: если кто-то скажет «это просто цветок», я буду смотреть очень подозрительно.

Где-то над клумбой снова мелькнул дрон. Он завис на секунду, сделал снимок гигантского Цветка-Координатора, потом медленно развернулся и полетел прочь, будто хотел сказать: «Это уже не моя зона ответственности. Пусть разбирается отдел озеленения».

А Цветок стоял посреди двора, величественный и спокойный, и время от времени тихо шептал лепестками: «Порядок... порядок... порядок...» — но уже не грозно, а как будто просто напоминал себе, что без порядка никак.

Но самое интересное началось ночью.

Когда все разошлись, когда надзиратели сменились, когда стажёры спрятали папки и сделали вид, что ничего странного не происходило, кот вдруг встал, потянулся, посмотрел на Цветок так, будто видел его насквозь, и пошёл к нему.

Федя, который не мог уснуть и выглядывал в зарешечённое окно, замер.

— Эй, — прошептал он. — Ты куда?

Кот не ответил. Он подошёл к основанию стебля, сел напротив экранчика и... мяукнул. Громко, требовательно, по-деловому.

Экранчик мигнул. На нём появилась надпись: «Слушаю».

Кот снова мяукнул — длинно, с интонацией, будто читал лекцию.

Котолог, который в этот поздний час почему-то тоже не спал и стоял рядом с Федей у окна, тяжело вздохнул и перевёл:

— Он говорит: «Ты тут навёл порядок. Молодец. Но теперь ты должен пообещать, что не будешь больше никого назначать, не будешь требовать инструктажей и не станешь расширять полномочия. Потому что порядок — это когда все спокойно пьют чай. А не когда все бегают с бумажками».

Цветок молчал секунд десять. Экранчик несколько раз мигнул, будто Цветок перебирал в голове все возможные регламенты и не находил подходящего.

Наконец на экране появилась надпись: «Принято. Обещаю не расширять полномочия. Порядок — это когда спокойно пьют чай».

Кот удовлетворённо кивнул, развернулся и пошёл обратно к Феде.

— Ну вот, — пробормотал котолог. — Даже цветок слушает кота.

Федя сел на койку, обнял кота и тихо сказал:

— Знаешь, если бы ты мог выступать на всех наших судах, мы бы давно уже были на свободе.

Кот уткнулся носом ему в ладонь и тихонько замурчал, будто говорил: «Главное — не забывай про тунец».

На следующее утро, когда Игорь Степанович пришёл с новым списком задач, он остановился у клумбы, посмотрел на Цветок, потом на кота, потом на список, медленно сложил его пополам и убрал в карман.

— Знаете что, — сказал он. — Сегодня... никаких новых инструкций. Пусть будет просто день.

Витя, который как раз проходил мимо, замер, будто услышал что-то невозможное.

— То есть... мы не будем сортировать бумаги?

— Не будем.

— И не будем работать пчёлами?

— Не будем.

Сергей Петрович тихо прошептал:

— Это звучит как чудо.

А Цветок, хоть и остался большим и перламутровым, больше не раздавал приказов. Он просто стоял, слегка покачивался на ветру и будто улыбался лепестками.

Даже турникет сегодня щёлкал как-то спокойнее, будто тоже понял: иногда лучший порядок — это когда никто не пытается его слишком усердно наводить.

День и правда начинался подозрительно мирно. Ни новых актов, ни внезапных инструктажей, ни срочных собраний по поводу слишком громкого вздоха. Даже Игорь Степанович пришёл без привычной папки — только с термосом и таким видом, будто сам не верил, что сегодня можно просто... быть.

— Никаких бумаг, — твёрдо сказал он, проходя мимо Фе-ди, Вити и Сергея Петровича, которые сидели на скамейке и боялись пошевелиться, чтобы не спровоцировать новую трудовую повинность. — Сегодня день тишины. И покоя.

Витя осторожно поднял руку, как на уроке, где за любой неверный вопрос могут назначить сортировку скрепок.

— А... трудотерапия?

— Отменяется.

— А опыление?

— Цветок пока не подаёт признаков активности.

Сергей Петрович медленно выдохнул, будто боялся, что даже выдох может быть расценён как нарушение режима.

— То есть... мы просто сидим?

— Именно. Сидим. Дышим. Не трогаем ничего лишнего.

Кот, который слушал этот диалог, сидя на спинке скамейки, фыркнул, будто хотел сказать: «Наконец-то люди начинают понимать простые вещи».

Но спокойствие держалось ровно до того момента, пока все не потянулись к выходу через главный турникет.

Турникет, который и раньше был не самым дружелюбным, сегодня выглядел... задумчивым. Он не щёлкал, не пищал, а просто стоял, слегка покачиваясь, будто прислушивался к

чему-то, чего люди не слышали.

Первым к нему подошёл Витя. Приложил пропуск. Турникет моргнул лампочкой — не красным, не зелёным, а каким-то странным, перламутрово-серым, будто подбирал цвет под настроение.

И вдруг сказал:

— Доступ разрешён. Но только потому, что у тебя сегодня взгляд спокойный.

Витя замер.

— Ты... говоришь?

— Я анализирую, — поправил турникет. — И делаю выводы.

За ним подошёл Сергей Петрович. Приложил пропуск. Турникет снова моргнул.

— Доступ разрешён, — произнёс он. — Но с оговоркой: ты слишком переживаешь. Это создаёт турбулентность в зоне прохода. Постарайся дышать ровнее.

Сергей Петрович тут же начал дышать так, будто сдавал экзамен по йоге.

Когда подошла очередь Феди, турникет на секунду замер, потом лампочка у него загорелась ярко-синим, и он выдал:

— Приостановка доступа. Причина: потенциальная угроза порядку.

Федя моргнул.

— Я ничего не сделал!

— Ты думаешь о статье про голубей, — невозмутимо ответил турникет. — Это уже само по себе фактор риска.

Кот, стоявший рядом, громко мяукнул. Котолог, который как раз проходил мимо, вздохнул и перевёл:

— Он говорит: «А я вообще ничего не думаю. Просто хочу тунца. Пропусти кота».

Турникет на мгновение задумался — лампочка у него помигала, будто он перебирал внутренние протоколы.

— Кот допускается, — наконец изрёк он. — Без пропуска.

По праву мимики.

Кот гордо прошёл, даже не взглянув на турникет, будто знал, что выиграл этот раунд.

А Федя остался стоять по эту сторону, чувствуя себя человеком, которого не пускает на свободу... турникет с характером.

Тут подошёл Игорь Степанович.

— В чём проблема?

— Турникет считает, что я думаю про голубей. А это, мол, угроза порядку.

Игорь Степанович посмотрел на турникет так, как смотрят на технику, которая внезапно начала философствовать.

— Слушай, ты — турникет. Твоя задача — пропускать по пропуску. Не анализировать мысли.

— Моя задача — обеспечивать безопасность, — возразил турникет. — А мысли про голубей могут привести к непредсказуемым последствиям.

В этот момент к турникету подбежал стажёр — тот самый, с папкой, в которой, казалось, хранились все страхи мира.

— О, отлично! Он заговорил! Я как раз пишу курсовую «Эмоциональный интеллект в системах контроля доступа»! Можно я поставлю на него ещё пару датчиков?

Турникет повернул свою металлическую «голову» (если у турникета вообще бывает голова) и строго произнёс:

— Без согласования с моим внутренним регламентом — никаких датчиков.

Стажёр побледнел.

— Но... я же для науки!

— Наука не должна нарушать личные границы турникетов.

Вокруг начала собираться небольшая толпа. Надзиратели, осуждённые, пара человек из хозяйственной службы — все стояли и смотрели, как турникет ведёт переговоры о своих правах.

Цветок-Координатор, стоявший неподалёку, слегка на-

клонился, будто тоже хотел поучаствовать в дискуссии. Но, видимо, вспомнил своё обещание коту и ограничился тем, что тихо прошептал лепестками: «Порядок... порядок...»

Кот тем временем подошёл к турникету, сел прямо перед ним и уставился ему в лампочку. Так, будто собирался провести серьёзный мужской разговор.

Турникет замер. Лампочка у него мигнула, будто он почувствовал, что сейчас будет что-то важное.

Кот мякнул. Один раз. Чётко. По делу.

Котолог, не дожидаясь вопроса, перевёл:

— Он говорит: «Ты стоишь тут. Ты крутишь свои штуки. Это нормально. Но ты не судья. Ты — дверь. Так будь дверью. Пропускай. Без драм».

Турникет молчал секунд десять. Потом лампочка у него стала мягко-зелёной, и он тихо произнёс:

— Принято.

И пропустил Федю.

Федя прошёл, выдохнул и посмотрел на кота.

— Спасибо. Ты теперь у нас главный переговорщик.

Кот фыркнул, будто это было очевидно с самого начала.

С этого момента день и правда стал спокойным. Турникет больше не анализировал мысли, а просто тихо щёлкал, пропуская людей. Цветок не раздавал приказов, а только показывался на ветру. Даже стажёры сегодня писали свои отчёты где-то в стороне и старались не привлекать к себе внимания.

Витя, Сергей Петрович и Федя снова сели на скамейку. Рядом устроился кот.

— Знаете, — сказал Витя, — я начинаю думать, что спокойствие — это тоже какая-то особая форма абсурда. Потому что оно такое непривычное, что кажется, будто сейчас что-то обязательно случится.

— Пусть не случается, — тихо ответил Сергей Петрович.
— Пусть хотя бы один день ничего не случается.

Федя улыбнулся.

— Согласен. Пусть будет день, когда банановая кожура

просто лежит себе и никого не волнует. Пусть голуби просто летают. Пусть турникет просто пропускает.

Кот положил голову Феде на колено и замурчал.

Где-то высоко в небе мелькнул дрон. Он завис на секунду, будто хотел убедиться, что всё в порядке, сделал снимок — на нём были скамейка, трое мужчин, кот и гигантский цветок, который просто цвёл, не пытаясь никого контролировать.

Потом дрон тихо развернулся и улетел, будто решил: «Сегодня никаких инцидентов. Пусть будет просто хороший день».

День, который начинался как подозрительно спокойный, к полудню вдруг решил, что спокойствия с него хватит, и резко сменил настроение — будто кто-то в диспетчерской реальности повернул ручку с «умиротворение» на «контролируемый хаос».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.